

ВИОЛЕТТА ВЕКША

«Иногда
любовь — это
самая страшная
тайна»

СТРАШНАЯ СКАЗКА

ЛЮБОВЬ. ТАЙНЫ. УБИЙСТВА.
КАКОЙ ВЫБОР СДЕЛАЕШЬ ТЫ?

18+

Виолетта Векша
Страшная сказка

«Автор»

2026

Векша В.

Страшная сказка / В. Векша — «Автор», 2026

Что делать, если человек, которого ты любишь, оказывается главным подозреваемым в убийстве? Когда в тихом провинциальном городке появляется загадочный незнакомец, Софи впервые в жизни по-настоящему влюбляется. Ради него она готова пойти против строгой матери, осуждения соседей и собственных страхов. Но вскоре город потрясает жестокое убийство. Полиция уверена, что преступник рядом. Подозрения падают на нового возлюбленного Софи. Девушка знает о нем то, чего не знает никто другой. Однако любовь заставляет ее хранить опасную тайну. С каждым днем подозрений становится больше, тайн — глубже, а чувства — опаснее. Когда город потрясает новое преступление, Софи оказывается перед выбором, который навсегда изменит ее жизнь. Психологический триллер о запретных чувствах, семейных конфликтах и темной стороне человеческой души. Как далеко готов зайти человек ради любви и какую цену приходится платить за молчание?

© Векша В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Виолетта Векша

Страшная сказка

Глава 1

*«Иногда нужно сделать что-нибудь плохое,
чтобы не позволить себе
сделать что-то более отвратительное»*

Я и не думала, что настанет день, когда я стану заложницей. Заложницей в другом, куда более тонком смысле, но какая разница?

Эта история произошла со мной в возрасте 19 лет – именно тогда я начала встречаться с убийцей. Я расскажу вам всю правду, обещаю, только давайте не будем торопиться. В свое время вы всё узнаете и, быть может, даже пожалеете об этом.

И напоследок... Что бы вы там не думали, я хочу, чтобы вы уяснили себе раз и навсегда: я любила своих родителей. Может, не такой любовью, к которой вы привыкли, но все же любила. Честное слово, любила.

* * *

– София! Подойди!

Я вздохнула с явной обреченностью – у меня не было желания ни спускаться к матери, ни о чем-либо с ней говорить.

Особенно после того, что произошло вчера прямо перед ее носом.

Ее властный голос снова просочился сквозь щель между дверями моей комнаты, и на этот раз я вздохнула более тяжело – придется подчиниться.

– Сходи за лекарством в аптеку, – завидев меня, бросила она мне, точно служанке.

– А как же домашний арест? – спросила я, наигранно вздергивая брови.

За мое «отвратительное, эгоистичное поведение» накануне (а провинилась я по сути лишь в том, что отлучилась на день, никого не предупредив) мать придумала для меня одно из излюбленных наказаний всех родителей – запереть родное дитя дома, лишив его общения, развлечений и свежего воздуха.

Какая оригинальность. Она что же, всерьез рассчитывала получить от меня детальный отчет о том, что было?

– Соф, ну хватит. Мне сегодня слишком плохо, чтобы выносить твои кривляния.

Она говорила сущую правду – про то, что ей было плохо. Ее всегда блестящие волосы были спутаны, кожа лица иссушилась и натянулась, как тетива, на бледном, выцветшем лице выступили капельки пота.

– Может, тебе лучше купить что-нибудь от лихорадки? Выглядишь ты откровенно паршиво.

– Это называется старость, Соф. От этого нет лекарства, – ответила мать, устало проводя ладонью по лицу.

Она передала мне пару монет двумя пальцами (заядлый жест человека, который выкуривает по полпачки сигарет в день) и на две секунды задержалась на моем лице. Этого было вполне достаточно – одним взглядом эта женщина могла сказать так многое!

Порой казалось, будто тот, кто дал ей жизнь, решил ради забавы нарушить все мыслимые законы природы, ибо глаза моей матери вобрали в себя всю переменчивость ее натуры: они были редкого сине-серого оттенка, иногда сизые, пастельно-синие, как море утром после шторма, иногда – цвета грозового неба: то вспыхивающие бурей льдистых завихрений, то застывшие в холодном, почти мертвом, трупно-синем безразличии, а чаще всего – безумное сочетание темной лазури и сапфирово-серых огоньков, которыми она так ловко швыряла в меня, точно пульками.

– Аспирина будет достаточно.

– Как скажешь, – я пожала плечами, взяла протянутые мне деньги и пошла одеваться.

Собиралась в тот день я с особой тщательностью. Нашла свою старую юбку – ту, которая плотно обтягивала мой зад, нацепила на запястья нетронутые со школьных лет побрякушки и даже стащила у матери тубик черной туши.

К несчастью, в прихожей я заметила рыжие всполохи волос, означающие, что моя любимая матушка решила проводить меня до самой двери.

Как мило.

– Боже, Соф, что это на тебе? – едва завидев, тут же накинулась она на меня. Не пожелала доставить мне удовольствие насладиться молчаливым возмущением у нее на лице.

Жаль.

– Откуда у тебя вообще такие вещи, и это что... тушь?!

Я расплылась в улыбке. Смогла заставить себя выдавить это жалкое подобие улыбки, не позволяя ей снова взять верх. Однако чаще было все совсем не так. Чаще всего... боже, как же это бесило! Чувствовать эту неконтролируемую злость, впитывать ее в себя каждой напряженившейся порой. Задышаться от скручивающей в тугой узел нутро ярости.

Бессильной. Всеобъемлемой.

Поглощающей тебя с потрохами.

Смотреть в свинцовые глаза матери и ужасаться. Что останется от меня, кроме этой ненависти, пульсирующей под кожей? Кем я буду, вырви из меня эту дрожащую в обезумевшем тике злость? Кем я тогда стану?

– Иди мигом умойся и... – произнесла мать на одном выдохе и замолчала, словно ей не хватало воздуха. – И переоденься, в таком виде ты никуда не пойдешь, – закончила она на этот раз твердым, не терпящим возражения голосом.

– И не подумаю, – я накинула на плечи легкую куртку. – Хорошего дня, мам, – бросила я ей и опротясь выскочила на улицу.

Улица нашего крохотного городка на отшибе страны, обычно тихая и неживая, кишела молочниками, тянущими на своих горбатых спинах бидоны с еще теплым молоком, спешащими куда-то серьезных с виду фермеров, маленькими детьми, капризно надувающимися свои пухлые щечки, и даже цыганами, которые предлагали мне побывать на их свадьбе свидетельницей.

Пробираясь через это многоликое безобразие, я поймала себя на мысли, что подсознательно всматриваюсь в каждую черную машину, встречающуюся мне на пути. Я искала машину-иностранку, выделяющуюся на фоне нашего старомодного городка, как если бы павлина запустили в клетку с курами.

Черный, навороченный Mercedes. *EgoMercedes.*

Такие не часто увидишь на улицах Лаундerville. Такие сюда просто не доезжают, соблазнившись огнями и шумом соседних, куда крупнее и современнее нашего, городов.

Бары, дешевые и не очень отели, проститутки на любой вкус и кошелек, фестивали пива и рок-концерты безыизвестных групп. Другим городам этой прекрасной страны было чем похвастать.

И что он тут только забыл?

Идя по улицам родного городка, я старалась не упустить из виду ни одно черное пятно, и уже один раз врезалась в старую даму – божий одуванчик, – обругавшую меня на чем свет стоит, и чуть было не растоптала маленького терьера, который, задорно виляя хвостом, путался у меня под ногами. У меня было смутное предчувствие, что сегодня я увижу Марка. Это чувство было ничем не подкреплено, однако оно переполняло мою душу, и потому я вглядывалась в лица прохожих почти с неудобным любопытством.

Домой же я шла в отвратительном настроении. Ни в огромной очереди, состоящей из пахнущих старостью стариков, ни на пешеходах или остановках Марка я так и не встретила. Зайдя в спальню к родителям, я, не говоря ни слова, швырнула сдачу и таблетки на стол, хлопнула дверью, отводя душу, и, пропуская мимо ушей материнское: «Софи, что с тобой?», закрылась у себя в спальне.

Зря я все же не согласилась пойти свидетельницей на цыганскую свадьбу. Хоть время бы убила.

Около часа я мучилась с прочитанным до середины детективом, а после, сдавшись, решила пойти к морю. На улице заметно похолодало, я натянула капюшон ветровки и не заметила, как снова думаю о нем.

Я познакомилась с Марком 16 мая после тяжелого дня в магазине, куда я устроилась работать после окончания школы. Он чуть не сбил меня на своем пижонском Mercedes, не извинился и просто уехал, обрызгав меня мокрой грязью. Позже он разобьет мне сердце и заставит сомневаться в самой себе, испытыв на прочность мои чувства и привязанности как дочери, подруги и добропорядочной соседки, но тогда он был для меня все еще дерзким незнакомцем, нарушившим мой покой. Весь тот вечер я думала о нем со всей возможной злостью и мечтала, чтобы он провалился к чертям со своей навороченной тачкой. А следующим утром, уединившись в лесу с книгой, я вдруг снова наткнулась на взгляд его темных глаз. Он стоял неподалеку, прислонившись к дереву, все в той же черной кожаной куртке, с той же самоуверенностью. И похоже, уже давно...

Он что, следил за мной, пока я читала?!

Я чувствовала, как злобные демоны затачивают свои когти, и уже готова была выпустить их, но вот он неожиданно вежливо здоровается, извиняется за тот случай на дороге, а потом называет меня Веснушкой, да еще таким голосом...

Я не смогла больше злиться. Мы познакомились, разговорились. Он держался уверенно, даже несколько высокомерно, однако его выдавали напряженные руки, будто жившие собственной жизнью: пальцами перекачивая сломанный пруттик, молодой человек с каждым разом всё сильнее сжимал тонкую ветку, отчего на его кистях стали проступать дорожки синих вен.

Я спросила, откуда он приехал к нам, и испугалась перемен в его внешности: его глаза начали темнеть, наливаясь какой-то личной болью, и тут я резко дернулась, будто проснулась от сладкого сна.

То, что я пошла в лес, никому не известно, а от мужчины, которого я совсем не знаю, можно ждать чего угодно, это всем известно. И хотя мать часто говорила мне, что с незнакомыми людьми лучше не разговаривать (особенно, если это сильный, пышущий энергией и здоровьем молодой человек), я прочитала достаточно книг и газет, чтобы самой понять, что обычно ничего хорошего для девушки такое общение не приносит.

Я почувствовала себя в безопасности только тогда, когда мы вышли из леса. Болтая на отвлеченные темы (его город и причина переезда в нашу глухомань, очевидно, была запрет-

ной), мы побрели в сторону моря. Неожиданно пальцы мужчины, будто ненароком, легонько коснулись моей руки. Несмотря на прохладный день, мне стало жарко, а от поясницы к рукам волнами шла тревожная ежистая дрожь.

Когда мы дошли до моего дома, Марк как бы между делом спросил, возможно ли, чтобы мы встретились с ним как-нибудь еще раз.

– Может быть, – ответила я уклончиво и уже хотела было растянуть губы в своей самой обворожительной улыбке, как вовремя заметила слабое колыхание занавески на кухне. Окна были наглухо закрыты, так что у меня не осталось сомнений, *что* потревожило легкую ткань гардины. Мать никогда не стеснялась подглядывать за другими людьми, и собственная дочь, разумеется, вызывала в ее мелочной душонке самые что ни на есть пытливые чувства.

– Тогда я не прощаюсь, Веснушка, – сказал Марк, внимательно наблюдая за мной.

Он заметил мой взгляд, брошенный за его спину, но оборачиваться не стал. Ухмыльнувшись, он ленивым движением поправил темную прядь волос, рывком шагнул ко мне и одними губами прошептал:

– Думаю, у тебя есть минута, чтобы придумать отмазку для матери.

Пораженно выдохнув, я еще долю секунды вдыхала его запах, потом в нос ударил холодный поток воздуха, Марк подмигнул мне, развернулся и быстрым шагом пошел прочь.

Только когда мужчина скрылся за поворотом, я поняла, что всё это время была напряжена до самых кончиков пальцев на ногах. Да что там говорить, я вся дрожала, как в лихорадке! Постояв некоторое время под полуденным солнцем и выровняв дыхание, я сделала глубокий вдох, расправила плечи и толкнула входную дверь.

В прихожей я мигом разулась и не смотря по сторонам припустила к лестнице.

– София! – голос матери прозвучал из самого темного угла кухни. – Кто был этот парень?

– Никто, – я быстро-быстро подымалась в комнату.

– С кем ты разговаривала, Соф?

Я молча зашла в спальню, закрыла дверь на задвижку, села на кровать и, яростно застонав, сжала виски руками.

Что же это было? Что за реакция организма, Соф?

Ты же не думаешь всерьез увлечься им...

Я всегда старалась никого к себе близко не подпускать. Последний парень, с которым у меня было что-то, близкое к «отношениям», спешно собрал вещи и, окрестив меня сумасшедшей, уехал из города, после того, как я, в порыве неконтролируемой злости, едва не откусила ему ухо (Странная это была история, надо сказать. Мы даже не целовались, хоть и считались парой, ходили за ручку по родным улочкам, как целомудренные воспитанники христианской школы, и редко смеялись. Он не понимал моего чувства юмора, а сам шутил редко и шаблонно).

Местные парни и до этого считали, что я с придурью, а после того случая и вовсе перестали на меня заглядываться. Если добавить ко всему этому неусыпный контроль моей матери – всегда такой правильной, высоконравственной, безукоризненной блюстительницы невинности (опустим тот случайный факт, что она вышла замуж за моего отца в 16 лет), то тогда станет вполне понятно, как сильно я и хотела, и боялась узнать своего нового знакомого поближе...

Море, когда я в своих раздумьях наконец подошла к нему, уже вспенилось не на шутку и было мутным. Наверное, баллов шесть будет, подумала я, глядя на белые завитки волн. Дующий с запада ветер легко проник под мою одежду, лизнул выпирающие ребра и в одно мгновение покрыл всё тело ледяными мурашками.

Через полчаса я собралась возвращаться домой – кто любит лежать в кровати с температурой, когда вокруг всё свежо и зелено? – когда вдруг, присмотревшись, я увидела на берегу, примерно в 50 шагах, высокую фигуру. Замерев, я остановилась. Тот тихий голосок, который

утверждал, что наши с Марком пути сегодня пересекутся, со всей горячностью убеждал меня не уходить с пляжа.

Я не заметила, как сделала шаг, другой. Вскоре я распознала в неясной тени мужские очертания. Волосы стоящего на берегу мужчины развевались на ветру, тонкая рубашка подчеркивала рельеф накаченных мышц. Я осторожно подошла ближе, замороженная силуэтом на сумрачном фоне моря.

Ветер распушил мне волосы, под ногами захрустели осколки выкинутых морем ракушек; в этот момент мужчина слышал шум и обернулся.

– Привет, – сказала я, неловко оттягивая задранный край куртки и тут же чувствуя, как участилось дыхание.

– Софи, – медленно произнес Марк, обласкивая меня каким-то особенным взглядом. – Вот мы и встретились снова.

Он чуть улыбнулся, выражение его глаз сменилось, но слишком быстро, чтобы я смогла разглядеть его. Марк присел на песок и стал распутывать большую рыбацкую сеть, лежащую у его ног.

– Неужели ты сейчас пойдешь рыбачить? – удивилась я, наблюдая, как руки мужчины ловко перебирают крученые нити.

– Конечно, – улыбнулся мужчина, аккуратно складывая сеть. – А иначе зачем я еще здесь торчу?

Его не было долго, минут двадцать, и я уже начинала замерзать, когда Марк подошел ко мне. Прошло еще не больше минуты, когда я с неприятным удивлением поняла, что Марк ловил вовсе не рыбу.

Марк заметил мой взгляд.

– Ты же не состоишь в одной из тех организаций, члены которой ходят по выходным на митинги с пикетами: «Спасем планету вместе!»?

Я сжала зубы, больно прикусив между ними язык. Я сама не поняла, что меня так взбесило. Я не была яррой защитницей животного мира, как сказал Марк, но сам факт нахождения двух маленьких черепашек, беспомощных и испуганных, копошащихся на дне сети вперемешку с серыми лентами водорослей, вызвал во мне неконтролируемый порыв помочь им избежать их участи.

– Не надо, Соф. – Марк покачал головой и мягко, но уверенно схватил мою руку, уже начавшую действовать без согласия моего разума.

Мужчина не тратил время попусту, он нырнул рукой под панцирь и в мгновение ока резким движением что-то там сильно сжал. Я услышала громкий хруст.

Я старалась дышать глубоко, медленно, вдумчиво. Я сосредоточила свое внимание на вдохах и выдохах. Со мной всегда такое происходило. Какая-то мелочь, несуразная и, часто, маловажная, могла разбудить во мне зверя, опасного, темного, неконтролируемого.

Так происходило раньше, так произошло и тогда.

– Соф?..

Я отошла настолько далеко, насколько позволяли нормы приличия. Начал накрапывать дождь. Вдалеке, в мутной полосе рядом с лесом, показалась чья-то длинная тонкая тень, которая почти сразу исчезла.

Находчивый мозг старается таким образом отвлечь меня.

Я отвернулась в сторону моря. Обняла себя за плечи и что было сил стала вслушиваться в шум моря, стараясь не обращать внимания на мельтешения слева. Несмотря на все усилия, я отчетливо слышала доносящиеся за моей спиной хрустящие звуки, напоминающие треск горящих в огне поленьев.

– Я пойду, – сказала я через какое-то время, не глядя на Марка.

– Эй, – мужчина поднял глаза. – Ты чего?

– Погода ухудшилась, – ответила я, сжав зубы и чувствуя, как от напряжения скул сдавило виски.

Марк встал с песка и подошел ко мне.

– Все дело в них? – спросил он, указывая на бесформенную грудку останков.

Я ничего не ответила, только отвернулась, плотнее зарываясь в куртку.

– Соф, ну Соф...

Марк сжал мои плечи, развернул к себе и заставил посмотреть на него. Фыркнув, я пожалала плечами, исподлобья глядя на молодого человека.

– Ну пожалуйста, Соф, ну прости меня! – взмолился Марк, неожиданно опуская колени на потемневший песок. Сложив руки перед грудью, он посмотрел на меня умоляющим взглядом. – Я поступил дурно, скверно, просто отвратительно... Как мне вымолить у тебя прощение?

Сквозь невольно вырвавшийся из горла смех я сказала мужчине, что только горячий ужин сможет загладить его вину. Услышав от меня такие слова, Марк немедленно поднялся с колен и, лукаво улыбаясь, сказал:

– Договорились. Как насчет того, чтобы попробовать деликатес? Черепаховый суп, например?.. Эй!

Он еле успел отскочить: я запустила в него большущую горсть грязного песка.

– Будешь так шутить и прощение тебе придется просить еще очень-очень долго, – пригрозила я ему, впрочем, уже не злясь.

В те годы я была как спичка – потенциально опасная, легковоспламеняющаяся и также легко остывающая.

– У, злюка... – Марк усмехнулся. – А суп из черепахового мяса, между прочим, очень вкусный и питательный.

– Прекрати!

– Нет, ну ты только представь: болгарский перчик добавляем в тушеное с помидорами мясо, посыпаем молотым перцем и паприкой и...

– И хватит на этом, – со смешком перебила его я, отвлекая мужчину от его кулинарных фантазий. – Давай лучше выдвигаться.

Марк, хмуро оглядев горизонт, кивнул, живо собрал с песка свою добычу, закинул сети на плечо, и мы зашагали по пляжу, уклоняясь от хлесткого ветра, бывшего нас в спины.

– Ну что, Соф, – сказал Марк, когда мы поднялись на вершину холма, – едем ко мне?

– Что? – моя правая нога зависла в воздухе, так и не ступив на землю.

– Я задолжал тебе ужин, пора исправляться, – пояснил мужчина с улыбкой. – Здесь совсем недалеко, на Ленточной улице...

– Э, нет, – засмеялась я, стараясь скрыть охвативший мои щеки жар. – Как-нибудь в другой раз. Давай лучше сходим куда-нибудь.

– Как скажешь, – пожал плечами мужчина. На его губах заиграла загадочная улыбка.

Когда мы подошли к Mercedes, чудившемуся мне сегодня на каждом шагу, я подумала, что всё это мне снится.

Я скромная и добропорядочная.

Я не знакомлюсь с парнями в лесных закоулках.

Я не даю соседям поводов пускать обо мне сплетни.

Я веду спокойную, уединенную жизнь, наполненную книгами, прогулками по утесам и тоской по уехавшей сестре.

Я не хожу ужинать по вечерам с незнакомцами.

Пусть и с таким дьявольски красивым...

Слишком это было все нереально, слишком невозможно... Сон? Да, можно сказать и так. В ту минуту, как и в последующие за ней, я крепко-крепко спала, убаюканная чарами молодого человека.

Марк открыл багажник, закинул туда Главный Ингредиент Деликатесного Супа, взял из салона черное портмоне, и мы двинулись вверх по улице – дрожа и то и дело поскальзываясь на блестящем асфальте.

Дождь уже лил всюду, темные волосы Марка прилипли к его высокому лбу, как и я, он весь промок, однако продолжал твердой хваткой держать мою дрожащую руку. Когда он сплел наши пальцы вместе, я несколько опешила, но возражать не стала: его жгучая, словно обожженная раскаленными углями, рука согревала меня, и это было приятно. Проходя самый популярный в городе паб, около которого, несмотря на непогоду, толпилась куча развеселых мужчин, я заметила, что рука Марка слегка напряглась. Опустив глаза, я постаралась сделаться как можно незаметней и пройти это место как можно быстрее.

– Эй, рыжая! Давай к нам, под нашим крылышком потеплее будет! – крикнул один бородастый кутила. Его дружки, салютуя нам бутылками, плотоядно заржали.

– Да! Бросай своего патлача и иди к нам, уж мы-то тебя и согреем, и приголубим, – загоготал другой голос.

Я ничего им не ответила, но чувствовала, что Марк напряжен и что его негодование очень скоро может с силой, нисколько не сравненной с силой воющего ветра, обрушиться на пьяных зазывал. Я стиснула руку мужчины и, заслонив от его лица улюлюкающую компанию, быстро повела его вверх по улице. Только когда мы прошли два квартала, оставив позади себя разгулявшуюся компашку, Марк расслабил хватку, поглаживая мои согретые его теплом пальцы.

На пути нам встречались и другие пабы, но практически во всех них сквозь мутные, запотевшие стекла виднелись подрагивающие тени людей, пришедших согреться за кружкой грога в этот холодный дождливый вечер. Наконец я заметила в тени кустов, гнущихся к земле под порывами ветра, маленькое кафе «Тет-а-тет». Светящееся теплым светом заведение показалось мне раем после промозглого холода улиц (хотя, думаю, в ту минуту я была бы рада и хлеву).

Мы прошли к столику, стоящему в дальнем углу, сели друг против друга и стали изучать скромное меню.

– Суп-пюре и Шепардский пирог, пожалуйста, – заказала я подошедшему официанту.

Парень был еще школьником, на вид лет шестнадцать, его скобы на зубах забавно контрастировали с черной бабочкой, повязанной вокруг его шеи.

– ...и пирог, записал. – Он старательно водил ручкой по блокноту. – Что-нибудь из напитков?

– Да. Ирландский кофе... И постарайтесь принести его горячим.

– Ну разумеется, – пацанёнок улыбнулся своей юношеской улыбкой и заверил меня, что лучшего кофе в Лаундервиле я больше нигде не найду.

Я хмыкнула, качая головой и ловя улыбающийся взгляд сидящего напротив меня молодого человека. Ох уж эти самонадеянные ирландские школьники!

– А вы что будете? – обратился парень к Марку.

– То же, что и эта очаровательная девушка, – сказал мужчина, кивком указывая на меня.

Я смутилась, а паренек, быстро взглянув на меня и тут же покраснев от выжидающего, иронично-насмешливого взгляда Марка, пробормотал:

– О... Да, конечно. Будет сделано, – он развернулся на каблуках и поспешил удалиться. Я заметила, что Марк проводил его долгим взглядом.

Людей в кафе «Тет-а-тет» было немного – кроме нас, в двух столиках от нашего, ворковала влюбленная пара да в углу худой мужчина в потрепанном костюме уплетал большого

омара. Лилась мелодичная музыка, и я, слава господи, начинала чувствовать кончики замерзших пальцев на руках.

Вскоре принесли разложенный по чашкам суп-пюре, и я с большим удовольствием принялась за нежный картофель. Странное, почти волшебное чувство растекалось у меня в груди. Мы говорили с Марком обо всем на свете, так просто и без ужимок, словно два приятеля за обедом. Впервые в компании незнакомого, по сути, человека я чувствовала себя так раскованно.

Марк рассказал мне, что приехал он в наш Лаундerville из далекого Шейна, что его родители умерли, когда ему было три, и он их совсем не помнит. Его приняла уже покойная тетюшка Энн, которой он обязан всем, что у него есть. В сущности, очень долгое время именно эти жалкие толики информации и давали мне представление о его прошлом.

– Ну а я не могу сказать, что ненавижу ее, эту работу, но иногда... иногда я просто хочу всё послать к чертям и уехать, – честно ответила я о магазинчике «Счастье рядом», куда меня так любезно пристроила мать после школы.

– Понимаю. – Прищурившись, он смотрел, как стекает серыми каплями дождь за окном.

Когда мы пили кофе, от которого валил горячий пар (пацаненок не покрывил душой – кофе был очень добротный и обжигал мне горло получше эля), я рассказала Марку о своих планах и обмолвилась о том, как было бы чудесно съездить к сестре в Крослин. Я не видела сестру почти два года, дико по ней скучала, и порой только мысль неожиданно ворваться к ней в комнату общежития с целым пакетом ее любимых вкусовостей и заключить ее в долгие, самые крепкие объятия в мире и заставляла меня вставать утром на работу.

– Что с тобой? – спросила я, присматриваясь к мужчине. При упоминании Крослина молодой человек дернулся, мышцы под тонкой тканью взгорбились, напряжились, и сам он как-то подобрался, словно хищник перед прыжком.

Его карие глаза потемнели, стали почти черными.

– Все в порядке, – моментально ответил он, будто я застигла его врасплох за чем-то тайным и неприличным. – Просто неприятные воспоминания, не бери в голову.

Я кивнула. Хотела было в своем духе подразнить его – о, рыцарь, неужели тайны темного прошлого бередают твой стойкий дух? – но потом, благо, промолчала. Вид у него и правду был такой, что не до шуток.

Вскоре мы встали из-за стола, Марк расплатился (я увидела, что он оставил официанту щедрые чаевые), и мы вышли на улицу. Дождь слегка поутих – только ветер неистовал с еще большей силой, в кромешном мраке растворяя листья ольхи, затаенную печаль рабочих и пары алкогольного дурмана, сочившегося из каждой приоткрытой двери паба.

Наступая на лужи, мы побежали к машине. Двери у нее открывались вверх – «крыло чайки», как пояснил Марк на мой восторженный взгляд. Он запрыгнул в Mercedes и первым делом включил двигатель и печку... и через несколько минут я подумала о том, как было бы хорошо, если бы отцовский лондонский кэб работал также складно (часто бывало так, что в нем было либо дико холодно, либо невыносимо жарко). Закрыв от удовольствия глаза, я откинула голову назад, чувствуя знакомый запах. В салоне вкусно пахло пряностями, и это напомнило мне о далеких временах, когда мы всей семьей готовили слоеные пироги и посыпали их корицей и ванилью.

– Надеюсь, ты не против, если я довезу тебя до дома? – спросил Марк, застегивая ремень.

– Ну... – протянула я, словно бы задумываясь, – выбирая между шквалистым ветром, проливным дождем и теплым салоном автомобиля, я, пожалуй, остановлюсь на последнем.

Марк, повернув голову в мою сторону, почтительно кивнул, и через несколько минут мы уже мчались по дороге, рассекая влажный весенний воздух.

Когда машина остановилась напротив моего дома, я – разнеженная, мучительно сонная, сидела, обмякнув в кресле.

– Приехали, – сказал Марк, глуша мотор.

– Так скоро... – я протерла глаза и посмотрела на молодого человека. Он выглядел напряженным: его выдавали барабаниющие по рулю руки и слишком серьезные глаза.

Жаль, что завтра уже понедельник.

– Остайся ненадолго, – вдруг попросил меня Марк.

Я медленно повернулась к нему.

– Уже поздно, мать наверняка...

– Это не займет много времени, – не дал мне договорить мужчина.

– Ну хорошо. Только пять минут – не больше, – согласилась я, гадая, что же он хочет мне сказать.

– Я буду очень краток, – сказал мужчина, смотря мне прямо в глаза. – Мне нравится проводить с тобой время, Софи Майер. Меня забавляет твоя беззаботность и некоторая наивность, – он усмехнулся. – Ты удивительная девушка, Соф, и я бы хотел продолжить наше знакомство не откладывая до выходных.

Затаив дыхание, я молча смотрела на стекающие со стекла капли. Руки у меня покрылись жарким потом, и я не смела пошевелиться.

– Я надеюсь... – Марк намеренно выдержал паузу, – что ты тоже этого хочешь и молчишь сейчас только потому, что не ожидала от меня этих слов.

Я встrepенулась – ну конечно же, я этого хотела!

– М-мне тоже нравится с тобой общаться, – сказала я, краснея. – Но встретиться до субботы у нас не получится.

– Из-за работы? – спросил Марк, и я кивнула – из-за работы.

– Ты можешь взять завтра выходной, – просто сказал мужчина.

– Нет, не могу, – я покачала головой: вряд ли начальство обрадуется, если узнает, что я собралась валять дурака.

Снова. Потому что предыдущую неделю я провалялась дома, и все это из-за...

Да. Причина находится прямо под боком, Соф.

– Слушай, если дело в деньгах, я могу помочь. В этом нет ничего зазорного, ты только скажи.

– Что?

– Я могу помочь, – повторил Марк, выразительно кивая на прислонившееся к дверце черное портмоне.

– Ох, нет, не нужно, – быстро сказала я, чувствуя, как мучительно краснеют уши.

– Не стоит стесняться, Соф. И знаешь, тебе нет нужды тратить свою жизнь на зарабатывание денег, которые ты все равно не знаешь, куда потратить. – Он увидел мой взгляд и рассмеялся. – В смысле это же Лаундerville, что здесь делают богачи – становятся сельскохозяйственными магнатами?

Я покачала головой. Знал бы он о моих планах на будущее, не говорил бы так... И слава богу, что он еще с моей матерью не виделся – будь это так, он бы хорошенько подумал, прежде чем назначать мне свидание.

Я внимательно посмотрела на мужчину. Черт, какой же он красивый!

– Ладно, ладно, – по-своему истолковал мой взгляд молодой человек. – А что ты думаешь насчет того, чтобы поехать завтра днем на пикник?

Я замолчала, закусив губу.

*Откровенно говоря, ты можешь позвонить на работу и сказать, что еще не выздоровела. То есть выздоровела **недостаточно** для того, чтобы стоять за кассой девять часов.*

– Ну так что? Возьмем покрывало, игральные карты, я приготовлю что-нибудь вкусненькое. Ты любишь черничный пирог?

– Люблю, – сказала я, отвечая на улыбку.

– Мы будем слушать пение птиц, есть сливочное печенье с изюмом и считать взмывающих в небо стрекоз, если захочешь. При условии, что погода будет на нашей стороне, разумеется. Ну же, Соф, – Марк шутливо потрепал мою руку, – соглашайся.

– Ладно, ладно, уговорил, – сдалась я под его взглядом.

– Так и знал, что ты не устоишь, – мужчина, самодовольно ухмыляясь, разрезал воздух кулаком.

– Эй, не зазнавайся, – я сморщила носик, – ты тут ни при чем. Мы оба знаем, что я согласилась исключительно из-за пирога.

Он засмеялся, и я тоже не смогла сдержать улыбки.

– Тогда завтра, к двум часам я буду у твоего дома.

– Да, только подъезжай не к главному входу, а к тем воротам, что за домом, рядом с садом.

– Без проблем.

Я отстегнула ремень, хотела было попрощаться, мельком взглянула на Марка и... не смогла отвести взгляда. Что-то изменилось в выражении его лица, что-то очень хрупкое, неуловимое, но я все же заметила это – будто передо мной появился совершенно другой человек. Сама того не ожидая, следуя какому-то безрассудному мимолетному порыву, я стала медленно приближаться к сидящему напротив меня мужчине. Внутри у меня что-то задрожало, когда я увидела, что Марк чувствует то же самое, что им, как и мною, завладела невидимая сила, притягивающая нас все ближе и ближе друг к другу. Для меня волнение в тот вечер было естественным... но почему же у него так же дрожали руки и лихорадочно горели глаза?

Мое дыхание сбилось, а во рту сделалось очень сухо. Я могла разглядеть его черные ресницы, на которых еще недавно блестели капли дождя, и почувствовать исходящий от его влажных волос запах, к уже привычным ноткам табака и вишни примешалась обьятая дождем озоновая дымка. Я облизнула пересохшие губы, и его глаза напряженно проследили за этим движением, еще больше вгоняя меня в краску.

Мы всё приближались друг к другу. С каждой секундой я видела всё больше черточек и штрихов на его лице; замороженная тяготением, которое, словно ток, пронзило наши тела, я была не в силах прервать зрительный контакт.

Когда наши губы стала разделять пара дюймов, я, неуверенная, как поступить дальше, прикрыла глаза и, замерев, с трепетом застыла в ожидании. Шли секунды, я слышала его судорожное дыхание совсем рядом, вдыхала его будоражащий кровь запах, но на этом всё. Ни жарких объятий, ни горячего шепота, ни томной неги по всему телу. Догадавшись, что я сглупила, я чуть приоткрыла губы и затаила дыхание, ожидая через пару мгновений почувствовать привкус табака на своих губах.

По-прежнему ничего.

Тогда я едва-едва раскрыла глаза и сквозь ресницы разглядела лицо Марка, которое было значительно дальше, чем я себе представляла. Мужчина был очень бледен – только его глаза горели темным, опасным огнем.

– Что-то не так? – очень тихо спросила я.

– Я не могу... Извини, – сказал Марк, отодвигаясь еще дальше.

Я почувствовала, как во мне что-то резко обрывается. Волшебная нить разорвалась, оставляя нас в холодной, весенней, бездушной ночи.

– Не можешь?... – выдохнула я.

Марк глубоко вздохнул, сдвинул брови к переносице и с сожалением посмотрел на меня. У него будто шла внутренняя борьба. Его взгляд остановился на моих губах, он сглотнул, нахмурился еще сильнее, а затем очень медленно качнул головой сначала влево, потом медленно вправо. Я потупила глаза и почувствовала, как щеки заливают жаром.

– Послушай, Соф, – Марк почти сразу придвинулся ближе, но я, наоборот, отодвинулась дальше.

Что за чертовщина только что произошла?!

Марк, не взирая на мои явно неблагоклонные телодвижения, взял мои руки в свои и с чувством сжал их.

– Ты не должна думать, будто... – он сглотнул. – Уже поздно, тебе пора домой, – неловко, неестественно-нежно закончил он – так мать успокаивает капризное дитя, когда оно не получает желанную игрушку.

– Так ты обо мне беспокоишься? – ошетибилась я, вырывая руки.

– Я просто не хочу, чтобы у тебя из-за меня были проблемы дома.

Я промолчала. Конечно, Марк был прав. Мать наверняка бушует похлеще погоды за окном, а он просто не хочет, чтобы меня посадили под домашний арест. Конечно же, он прав. Тогда почему у меня так невыносимо щиплет в глазах?

– Я пойду, – сказала я, накидывая капюшон.

– Соф, – окликнул меня молодой человек, когда я открыла дверцу и глотнула ледяной прохлады, – на завтра у нас всё в силе?

Я обернулась. Марк не отрываясь смотрел на меня, его глаза теплились такой надеждой, что я с удивлением обнаружила, как досадная злость медленно оседает где-то глубоко внутри.

– Посмотрим, – без тени улыбки ответила я, ступая на размытую дорогу.

Я уже вышла из машины, когда услышала оживленное, без какой-либо тени сомнения:

– До завтра, Соф!

Глава 2

Бессмысленно я пыталась заснуть полночи – царство Морфея не хотело приходить ко мне. К утру у меня стала раскалываться голова, и я спустилась вниз за аспирином.

Кухня в четыре часа утра выглядела неестественно, словно одна большая декорация, на рабочем столе сушились девственно-чистые тарелки. «Ну вот что она за человек? – подумала я, наливая воду в гладкий, будто только что купленный в магазине стакан. – Чувствует себя так, будто стоит одной ногой в могиле, а порядок на кухне навести – это пожалуйста, это святое. Можно подумать, будто кому-то будет дело до ее плиты и хрусталя после того, как она заболит и отдаст концы». Мать я не видела с обеда, хотя и слышала ее размеренное дыхание, доносящееся из их с отцом спальни.

Запив таблетку водой, я решила дать своему организму еще один шанс. Лежа в постели, я поневоле вспоминала сказанные Марком слова: *«Мне нравится проводить с тобой время, Софи Майер. Ты удивительная девушка, Соф, удивительная...»*

Постепенно мое дыхание выровнялось и сознание устремилось в другой мир – мир вымысла и волшебства.

Проснувшись я поздно, к обеду, сладко позевывая и улыбаясь. Мне снилось что-то такое приятное, легкое... быть может, даже неземное. Я выглянула в окно и пошла на кухню слегка пританцовывая: погода обещала быть покладистой и обойтись без сюрпризов. Самое лучшее, что можно придумать для пикника.

– Всем доброе утро, – сказала я, наливая себе чашку ароматного чая и, посербивая, смотря на родителей. Копотившийся в тарелке отец, видимо, недавно вернулся с отработанной смены – форменная жилетка повисла на его исхудавшей груди.

– Хорошенькая сегодня погода, правда? – сказала я им, отдергивая бордовую занавеску и всматриваясь в безоблачное, светло-голубое полотно.

Ответом мне была приятная тишина. Может, они оба вдруг потеряли слух за сегодняшнюю ночь?

– Почему ты не на работе, Соф? – шумно выдыхая, с ноткой любимого упрека, спросила мать.

– Что? – я смотрела на неподвижные верхушки деревьев и улыбалась. Ну просто замечательная погода.

– Сегодня понедельник. Ты должна быть на работе.

– А, это, – я от души зевнула. – Я решила взять на сегодня выходной.

Я заметила, как родители переглянулись, но вида не подала.

– Снова выходной? Не многовато ли ты отдыхаешь в последнее время?

Стащив намазанную вареньем булку и так ничего и не ответив, я пошла вон из кухни – зачем лишний раз портить себе настроение?

– Софи, подожди.

Мать окликнула меня тогда, когда я уже взялась за ручку двери.

– Ну что? – я нехотя обернулась.

– Подойди, у нас есть к тебе разговор.

Я быстро стрельнула глазами: мать возвышалась над кухонным столом словно нахохлившаяся куропатка – руки, придерживая грудь, скрещены, губы сжаты в тонкую, словно начерченную под линейку, линию.

Интересно, что же ей испортило настроение в это утро: подгоревший омлет на завтрак, которым так усердно давился отец, или появление новых морщин в отражении?

Решив хоть как-то продемонстрировать свое упрямство, я все же вышла из кухни, зашла в гостиную и села там на диван, расхлябанно вытянув ноги вперед. Чашку с чаем и надкусанную красно-белую булочку я аккуратно примостила в углубление между сидухами.

Родители зашли следом. Мать взглянула на отца, потом сказала:

– София, твой отец только что пришел со смены и он хочет тебе кое-что сказать, – она многозначительно посмотрела на мужа.

Отец, видимо, был с ней не согласен. Он ничего не говорил – выглядя уставшим, еще более изможденным, чем обычно.

– Ладно, – женщина взяла инициативу в свои руки. – Скажи-ка мне, дорогая, во сколько ты вчера пришла?

– Ээ... – протянула я, чувствуя резкий, быстрый укол под ребрами. Черт возьми. – Я не помню, вроде бы в восемь вечера.

Мать скептически усмехнулась, потом сказала:

– Интересно получается. А вот твой отец говорит, что видел тебя вчера в городе. Около десяти часов вечера.

Сердце взволнованно подскочило в груди. Вот дерьмо.

Отец, кажется, слегка смутился, на его впалых щеках появились два бледно-розовых пятна.

Черт, папа! Надо же было тебе так не вовремя там появиться... А какой же он всё-таки наблюдательный! Ему бы работать детективом в частном агентстве, а не развозить пьяных алкашей в четыре часа утра, – несмотря на страх разоблачения, подумала я восхищенно. Мне всегда было приятно узнавать от отца маленькие постыдные тайны нашего городка... но я никогда не думала, что однажды сама стану объектом его неусыпного внимания.

– Меня интересует один вопрос, Соф... – мать намеренно выдержала паузу и только потом выстрелила: – Кто был тот парень, с которым ты вчера развлекалась?

Я прикрыла глаза. И что она хочет услышать? Может, сказать ей, что это был просто случайный знакомый? Или навязчивый поклонник, от которого я не могла избавиться? Боже, ну что за идиотская ситуация!

– Это был мой школьный знакомый, – наконец ответила я. – Мы встретились в кафе, разговорились. Так давно с ним не виделись, заболтались допоздна.

– Не ври мне, девочка! – крикнула мать. Мгновение – и она вся взбеленилась, ее, в общем-то, симпатичное лицо перекосило от гнева, по щекам расползлись красные пятна. – Отец описал мне твоего «школьного знакомого», он выглядел намного старше тебя.

Снова прокол. Нужно было выкручиваться, и побыстрее.

– Ну да, мам. Он закончил школу на два года раньше, чем я. Мы общались в старших классах, – на ходу придумывала я.

– Ага, а потом вы мило поболтали под свет свечей и разошлись каждый своей дорогой, так?

Я кивнула, молясь, чтобы этот унижительный допрос прекратился.

– Вот ты и попалась, дорогуша, – мать злорадно рассмеялась. – Отец проследил за вами и видел, как ты садилась в машину этого типа. Черный Mercedes, кажется? Иномарка, Соф.

Мать ненавидела все иностранное.

Не-ирландское. Не-местное.

И наоборот, все, что было сделано в Ирландии – она обожала с таким нездоровым патриотизмом, что можно было подумать, будто за эту ее любовь ей приплачивают в правительстве.

Удивительно, как я умудрилась стать ее исключением.

– Ну-ну, дорогая, – вмешался отец, и вовремя – я уже чувствовала надвигающуюся бурю. – Думаю, Софи всё поняла. Идем-ка на кухню пить чай.

Я с благодарностью взглянула на отца, но потом заметила, что мать не сдвинулась с места. Вздохнув, я попыталась всё объяснить.

– Да, я села к нему в машину. Было чертовски холодно, и я не хотела простудиться. Но это всё – клянусь.

Бесполезно – я слышала, как недоверчиво хмыкнула мать.

Ну уж нет, с меня хватит! Раздражение взяло верх над смущением, и я встала с дивана, краем уха подмечая, как падает кружка с кипятком, выплескивая горячие струи на белый ковер гостиной.

Пора прекращать этот позерский цирк.

– У меня больше нет времени выслушивать обвинения... особенно, если они высосаны из пальца. Я пошла.

И, не дожидаясь ответа, я пулей выскочила из гостиной.

Помня об обещании быть готовой к двум часам дня, я начала искать подходящую для пикника одежду. Выудила из шкафа бриджи, свободную футболку и черную кепку. Наскоро оделась, завязала волосы в высокий хвост и вышла из комнаты.

– О, хорошо, что ты пришла. Я уже думала идти за тобой, – едва завидев меня, сказала мать. Она повязала голову платком, а ее руки, точно плющ, оплетали резиновые ядовито-зеленые перчатки.

– Это тебе, – она поочередно всунула мне в руки лопату, моток веревки и белую краску. – Кисть найдешь в гараже.

– Мм, спасибо, конечно, но это не то, что мне нужно в данную минуту, – сказала я, напрягаясь. У меня появилось нехорошее предчувствие.

– Соф. – Резко, точно пощечина. – Ты будешь подвязывать в саду вишневые деревья. Их нужно подкопать, побелить, ну, и вообще прибраться там. Вчерашний смерч страшно всё там разворотил.

Я уставилась на суетившуюся с ведрами мать. Мы по праву гордились нашим садом, в особенности вишнями – их у нас было 24. Я медленно перевела взгляд на часы. Стрелки показывали без десяти минут два.

– Я не могу, – сказала я наконец. – У меня запланирована встреча на два часа дня.

– Встреча? Прекрасно. Сделаешь всё, что я сказала, и пойдешь на свою встречу, – мать отвернулась, подымая ведра с какой-то вонючей жидкостью.

– Нет, я иду сейчас, – возразила я, по-прежнему стараясь говорить спокойным тоном.

Не закатывать глаза. Не устраивать истерику, в кои-то веки.

– Нет, Соф, – мать развернулась, и я даже удивилась, как это у нее из ноздрей не идет пар. – Ты пойдешь в сад и будешь там работать, пока не закончишь. Если хочешь, можешь позвать с собой ту девочку, с которой собралась гулять.

Мать застегнула потрепанную рабочую рубашку на все пуговицы – обмундирование готово, стрелы и лук начищены и заточены, солдаты бунтуют, но у них нет выбора. Потом она добавила:

– Вместе вы быстрее справитесь. Точно тебе говорю. И да, ты бы надела что-нибудь поуже, работенка-то пыльная выйдет.

И с этими словами женщина удалилась из кухни, что-то насвистывая себе под нос.

Я с бессильной злостью уставилась на входную дверь. Первой моей мыслью было бросить всё и, наплевав на ее слова, уйти на встречу с Марком. Внутри всё клокотало, я прекрасно понимала, почему мать решила загрузить меня работой. Ясное дело: так она мстит мне за вчерашний вечер, может, даже завидует, что меня молодые люди приглашают в кафе. Сама-то она там сто лет не была.

И я уже собралась бросить лопату и веревку с краской и пойти на улицу, как тоненький голосок – назовем его проснувшейся совестью – напомнил мне, что я дала обещание помогать

матери вести хозяйство. Я пообещала это своей сестре Мие, стиснув зубы, в последний день перед ее отъездом в Крослин два года назад. До сих пор я держала слово – благо, мать не так часто меня о чем-то просила.

Мия не узнает об этом, зато ты прекрасно проведешь время, уговаривал меня демон-искуситель. Подумай о Марке и о том, как он расстроится, узнав, что пикник придется отложить до лучших времен. И погода сегодня на редкость хорошая, эта сама судьба вам благоволит...

Я стояла и неподвижно смотрела на дубовую дверь.

Часы пробили два часа пополудни.

Я вздохнула. Закинула на плечо лопату, другой рукой обхватила веревку с краской и вышла из дома.

От пения иволог и яркого ослепляющего света у меня защемило сердце. Зайдя в гараж, я нашла там кисти и направилась в сад. Положив на землю рабочие инструменты, я огляделась. Ветер и правда нанес урон всему живому в саду: он расшатал молодые ветви, пообрывал макушки сирени и изуродовал сникнувшие лапы ив, которые, словно в засаде, окружили наш дом по всему периметру.

Я поискала глазами мать – она поливала кусты картофеля жижей из ведер в самом дальнем конце огорода. Очень тихо, стараясь слиться с окружающей природой, я подошла к воротам, встала на цыпочки и осмотрелась.

На подбитой дождем дороге повсюду виднелись сорванные ветки деревьев, из мусорного бака высыпались фантики из-под конфет. И ничего, что бы указывало на следы знакомого черного автомобиля. Настроение у меня упало еще ниже, я вздохнула и поплелась к ждавшим меня вишневым деревьям. Взяв кисть и обмакнув ее в белую краску, я начала лениво возить ею по стволу. Работа была не только, как выразилась мать, «пыльная», но еще и очень скучная. Я на автомате делала быстрые мазки кистью, оставляя на стволе белые подтекающие полосы.

Когда я заканчивала красить третье дерево, то услышала шум подъезжающей машины. Обернувшись, я услышала, как кто-то заглушил мотор и хлопнул дверцей. Сердце замерло – я прислушалась к твердым шагам за забором так, будто от них зависела моя жизнь. Вскоре в ворота постучались.

– Соф, где ты? – громко крикнул Марк.

Я машинально взглянула на то место, где работала мать – там никого не было. Я быстро подбежала к забору.

– Марк! – прошептала я, открывая железные ворота.

– Привет-привет, – поздоровался мужчина, протягивая мне букет васильков. – Это тебе. Извини, я опоздал. Задержался на работе...

– Ничего страшного, – я виновато улыбнулась, – по правде говоря, теперь это уже неважно.

– Это почему же?

Я вздохнула и поведала ему о своем несчастье.

– Она велела мне подрыхлить и покрасить все деревья в саду, а ты сам видишь, сколько их у нас, – я мотнула рукой в сторону сада. – Так что, боюсь, сегодня никак не выйдет, прости, – прошептала я, чувствуя, как вспыхнули щеки. Я перевела взгляд на букет – на один из васильков приземлился маленький черный жук, поскользнулся на тонком лепестке, не выдержал равновесия и кубарем свалился в небесно-голубую сердцевину.

– Я могу помочь тебе, – предложил Марк, оглядывая фронт работы. – Вместе мы управимся намного быстрее.

Я нервно засмеялась.

– Ты прямо как моя мать. Она тоже предложила мне привести с собой помощника.

– Отлично, я тогда возьму кисточку, я ее видел где-то в бардачке и...

– Нет, Марк, стой. Понимаешь, мать может увидеть тебя, а я...

Я стыдливо замолчала. Закусила губу. Как же объяснить ему?

– Ну и что в этом такого? – спросил Марк, приподнимая брови. – Заодно я с ней и познакомлюсь.

Боже!

Я устало прикрыла веки.

– Нет, послушай. Моя мать очень консервативная, я тебе рассказывала, она боится всего нового... А ты сейчас, между прочем, выглядишь как безбашенный рокер, – улыбнулась я, оглядывая молодого человека.

Весь в черном, волосы убраны цветистой банданой, которая ему очень шла, и вдобавок на левом запястье серебряная цепь. М-да, лучшего образа для знакомства с моей матерью и придумать нельзя.

– Виноват, – мужчина прижал руки к груди и слегка поклонился. – В следующий раз жди меня в рясе и с крестом на шее.

Мы оба рассмеялись.

– И все же, что мы будем делать дальше, м-м, невольница? – спросил мужчина, поглядывая мне за спину.

– Всё очень просто, – ответила я, чувствуя, как что-то сдавленно сжалось в груди. Оглянувшись, я быстро сказала: – Я пойду дальше в сад красить деревья, а ты – птица вольная, можешь делать, что душе угодно.

– Я хочу провести этот день с тобой, Соф, – сказал Марк как-то уж очень серьезно.

– Я тоже, поверь... Но я не могу.

Где-то с другой стороны дома послышалось: «*Софи!*»

– Мне пора, – поспешно сказала я, оглядываясь назад. – Тебе лучше уйти.

Мужчина не сдвинулся с места.

– Марк! Уходи, слышишь?

Я посмотрела ему в глаза и увидела до дрожи знакомый взгляд. Взгляд упряма, не желающего мириться с неуютными обстоятельствами.

– У нас нет выбора, ну, давай же... – я похолодела, услышав звук хлопнувшей двери и быстрые шаги, ураганом надвигающиеся в нашу сторону.

– Запомни, Соф, – сказал мужчина, делая ко мне быстрый широкий шаг, – выбор есть всегда. Просто часто людям не хватает смелости им воспользоваться.

– О чем ты, черт возьми? – прошипела я.

А потом вдруг поняла, что не чувствую земли под ногами.

– Эй, ты что творишь? – Я что есть мочи забарабанила руками по твердой спине мужчины. – Сейчас же поставь меня на землю, слышишь?

Марк только крепче обхватил меня за ягодицы и быстрым шагом понес к своей машине.

– Черт, да опусти же ты меня! – крикнула я, с силой впиваясь в его шею ногтями. Он вздрогнул, однако хватку не ослабил.

Марк подошел к Mercedes, открыл дверь пассажирского сидения, усадил меня в кресло, пристегнул, хоть я и отбивалась, и с чувством сжал мои запястья. Я вскрикнула. Уверена, на бледной коже тут же проявились бордовые полукруги.

– Соф, умоляю, давай без глупостей, – прошептал он мне на ухо. Потом закрыл дверь с моей стороны, в один миг обошел машину и сел на водительское сидение.

– Что ты, черт побери, себе позволяешь?! – вскричала я, смотря, как мужчина ловким движением поворачивает ключ зажигания. – Что ты делаешь?

– Хочешь знать, что я делаю? – спросил Марк, обхватывая руль и весело поглядывая в мою сторону.

Я кивнула. Молодой человек надавил на газ, и машина взревела, словно дикое изголодавшееся животное.

– Детка, я тебя похищаю, – ответил он, срывая автомобиль с места.

Последнее, что я запомнила, обернувшись через плечо, – это мать с перекошенным от ужаса лицом и смятый букет васильков, брошенный мною на мокрый, еще не высохший от дождя асфальт.

Глава 3

– Не нужно было этого делать.

Мы ехали по пыльной дороге, и солнце щипало нам глаза.

– Нет? Это почему же? – спросил мужчина с усмешкой. – Мне вот понравилось.

– Охотно верю, – сказала я, кивая. – Особенно тебе, наверное, понравилось лапать меня за задницу.

Марк засмеялся.

– Не без этого, каюсь.

Качая головой, я спросила:

– Ты хоть понимаешь, что меня ждет вечером? Мать никогда мне этого не простит.

Марк бросил на меня быстрый взгляд.

– О, уверен, на тебя невозможно долго злиться. Ты хоть сама понимаешь, какая ты хорошенькая? С таким носиком на тебя можно сердиться не больше двух минут.

Носиком? А что с ним?

Марк сделал вид, что задумался, а его глаза тем временем бегали по моему лицу, точно проходили мудреный лабиринт. Слева направо, от одного зрачка до другого, облизнув кончик носа и задержавшись на пару секунд в щелочке между открытых губ...

Мочки ушей, развевающийся на ветру завиток рыжей пряди, и снова внутрь зрачков, наглухо увязнув в их тупиковом плену.

– Хотя нет, вру. Не больше минуты, учитывая еще, какого потрясающего оттенка твои глазки.

Я ничего не ответила, только при первой возможности постаралась поймать в зеркале отражение своего носа. Может, раз он такой хороший, то и мать не будет вечером бушевать?

Дорога с каждым ярдом становилась всё хуже, бугристый асфальт сменился разбитым песчаником; машина всё чаще заходила в тряске. Задумавшись, я не сразу заметила, что местность мне незнакома. Вся природа казалась пластиковой, до смешного ненастоящей, и даже солнце светило здесь по-другому.

– Марк, а куда ты меня везешь? – спросила я, вглядываясь в мелькающий за окном пейзаж. Вокруг было так много трав, цветов и зелени, что у меня начинало рябить в глазах.

– Немного терпения, Веснушка, – ответил мужчина, загадочно посматривая в мою сторону. – Ты же не хочешь испортить сюрприз?

Сюрприз, значит. Что-то за свою жизнь я еще не могу припомнить ни одного хорошего сюрприза.

Мы проехали одно поле, затем другое и в скором времени свернули с дороги. Деревья вдоль пролеска были корявыми, их скрюченные, изогнутые стволы обвивали соседние ветви, будто природа – вершительница всего живого – свела их в страстные объятия, навечно сроднив друг с другом. Неба почти не было видно – у дневного света не было ни единой возможности пробиться сквозь широкие, елкообразные листья дубов. Повсюду, куда ни кинь взгляд, стоял густой полумрак. Я ощутила себя героиней сказки, заблудившейся в заколдованном лесу.

Когда впереди замелькал солнечный свет, я облегченно выдохнула. Непроглядная тьма не внушала мне доверия, мне чудилось, будто из нее на нас смотрят голодные глаза не самых безобидных обитателей леса. Мы выехали на лесную прогалину, и Марк остановил машину. В безмолвном неверии, щурясь, я ступила на окаменелую, неестественного яркого цвета траву и пораженно огляделась.

Никогда еще я не видела такой красоты.

– Да... – медленно протянула я. – Ради такого стоило ехать в такую даль.

– Нравится? – спросил Марк, становясь рядом со мной.

Я не ответила, провожая взглядом пролетающих над нашими головами желтобрюхих лазоревок. Мы стояли на небольшой поляне, окруженной дремучими дебрями, прямо напротив нас начинался крутой обрыв. Чувствуя в груди волнительный трепет, я осторожно приблизилась к краю пропасти. Внизу, в ярдах 50 от меня, журчала река, уходя в лабиринт высоких, величественных гор. Горная цепь с лохматыми черепками тянулась на мили вокруг.

– Впечатляет, правда? – прошептал Марк, подходя ближе.

Почему-то здесь хотелось вести себя как можно тише и не тревожить заведенный задолго до нас порядок.

– Как здесь чудесно пахнет!

– Это горный воздух, Веснушка. Такой сразу узнаешь, ни с чем не спутаешь.

Немного отойдя в сторону, Марк расправил плечи и стал на высокий камень – случайный наблюдатель, пришедший выразить почтение гигантским изваяниям.

– Я нашел это место, когда искал, куда бы поставить капкан на лисицу.

По моей коже пробежала вереница мурашек. Мне вспомнилась холодная ночь двухлетней давности, когда я, отчаявшись, по глупости побежала в лес вслед за сестрой после ее отъезда в крослинскую школу. Сестру я, разумеется, не нагнала, а только отморозила себе все, что только можно было, и вдобавок угодила в лисий капкан. Если бы не наш сержант, Джек Моррис, и его великолепная интуиция, я была бы уже мертва.

Против воли я вздохнула. Марк обернулся, приподнимая брови.

Я отвела глаза, боясь растерять неожиданно проснувшуюся смелость.

– Да, да, здесь ужасно красиво, самое красивое место, где я только была, а я ведь считала, что давно уже изучила местные джунгли... Почему ты мне ничего о себе не рассказываешь? – спросила я на одном вдохе.

Марк удивленно всплеснул руками.

– Как так? Ты разве не знаешь моего имени, и фамилии, и даже второго имени, и откуда я родом, и...

– Только самые общие вещи, – я отмахнулась. – Я считаю, это нечестно, я ведь тебе много чего о себе рассказала. Почти всё.

Марк ничего не ответил на мой выпад. Он подошел ко мне, легонько приобнял за талию и, уводя подальше от обрыва, на ухо прошептал:

– Не злись. У тебя еще будет время узнать меня поближе.

Я слабо улыбнулась. Значит, поговорим попозже.

Мы подошли к стоящей под тенью машине – выглядела она здесь как явление из будущего. Марк достал цветное, сшитое из лоскутков одежды покрывало и корзинку с едой и напитками. В центре поляны, примяв пышную, словно перина, траву, он расстелил одеяло, и мы разлеглись, с удовольствием вытянув ноги.

– Угощайся, – сказал мужчина, доставая из плетеной корзины горсть печенья.

Я взяла кусочек.

– Ты выезжала куда-нибудь за пределы Лаундервиля? – спросил он у меня, невесомым касанием поглаживая мою руку.

– Нет. Я торчу здесь с четырех лет, и иногда мне так хочется что-нибудь изменить, – ответила я, наблюдая за бегающими по моим рукам мурашками. Моя реакция на этого мужчину была слишком острой, яркой, нехарактерной для моей замкнутой натуры.

– Никогда не любила холод, – сказала я, подставляя лицо навстречу солнцу. – В детстве я представляла, что, когда вырасту, уеду куда-нибудь, где солнце, а дождь и туманы есть только на обложках детских сказок.

Марк смотрел на меня с сочувственной, несколько наивной улыбкой – так смотрят взрослые, когда их маленький сын говорит, что, повзрослев, полетит на Луну, а девочка – еще совсем

кроха – рассказывает о своих надеждах на взрослую жизнь, где она будет блистать на лучших киноплощадках мира.

– Знаю, знаю... просто глупые, детские мечты. Я слишком бедная, что уехать в Италию.

– Почему в Италию? – спросил мужчина, с интересом поглядывая на меня.

– В Испанию, в Грецию! – воскликнула я, с чувством сжимая бумагу от печенья. – Туда, где светит солнце круглый год и все люди счастливы.

Марк промолчал – только настойчивее стал поглаживать мое запястье.

– Ну а ты? Где ты бы хотел жить? – спросила я у молодого человека, неловко пряча руку под край оттопырившегося одеяла.

– Я? – Марк немного помолчал и ответил: – Я бы хотел жить в Лаундервиле.

– Что?!

– Ну да. Здесь так тихо, так спокойно. Настоящий рай для того, кто сменил десятки шумных городов.

Казалось невероятным, чтобы такой мужчина, как Марк – умный, обеспеченный, образованный, с современной стрижкой и тачкой, больше подходящей для кинозвезд, мечтал о жизни... здесь, в глубинке Ирландии. Это просто не укладывалось в голове.

Говорят, хитрого человека можно опознать по глазам. По неуловимому лисьему прищурю, который появляется в тот момент, когда задумывается что-то коварное. Я или плохо смотрела, или просто не ожидала подвоха. Мы ели чизкейк из сладкой черники, и Марк сначала украдкой, робко и нерешительно, точно школьница, намекнул мне о том, что жизнь слишком коротка и мне вообще-то необязательно работать.

Затем мы пили из горлышка красный эль, который чудесным образом оставался прохладным – удивительный вкус, язык словно обмазали заквасившимся фруктовым пюре, – и вот Марк начал пулять в меня аргументы. Один за одним. Я только рот разинула от удивления: его слова показались мне разумными и взрослыми. А дальше... Я проиграла ему в карты (хотя играла с шести лет, и играла неплохо). На желание.

И мне пришлось пообещать, что эта неделя будет последней в моей карьере в «Счастье рядом». Я понятия не имела, как объясню все родителям, но в тот момент мое решение казалось мне смелым бунтарским поступком, чем-то, что изменит все в лучшую сторону.

Новый виток в жизни. Не слабость и умелое давление со стороны человека, который строил разговоры точно в шахматы играл – продумывая каждый свой шаг.

Марк резко оживился после моего обещания. Его глаза заблестели, и он неожиданно защекотал мне бока.

– Прекрати, – хохоча, произнесла я, почувствовав сильные руки мужчины на своей талии.

– А ты заставь меня.

Я попыталась вырваться, но мужчина крепко прижимал меня к себе.

– Софи... – протянул Марк, смотря на меня каким-то непривычным взглядом.

– М-м?

– У тебя такая нежная кожа, – прошептал он, дотрагиваясь до моей щеки.

Я вся покрылась жаром, веки затрепыхали, но глаза я не закрыла – не хотелось снова выставить себя идиоткой. Марк еще какое-то время поглаживал мои волосы, потом шепнул: «Я скоро», рывком поднялся и ушел куда-то вглубь леса. Я осталась сидеть одна, с бешено колотящимся сердцем и непривычным чувством внизу живота.

Совсем скоро – я еще не успела выровнять прерывистое дыхание и стряхнуть на траву крошки пирога – Марк вернулся на поляну, в его руке был зажат неряшливый букет необычайно красивых цветов: я такие разве что на картинках видела.

– Это тебе, – Марк вручил мне белоснежные бутоны. – Они тут немного помялись – пришлось с боем отбирать их у местного лешего.

Я засмеялась и забрала цветы.

– Спасибо, – прошептала я, впуская в легкие душистый аромат.

Солнце спускалось всё ниже, грозя спрятаться за острые бугорки костлявых гор. Я подошла к обрыву. Ветер ласково взъерошил мне волосы. Я стояла, вдыхая горный воздух и вслушиваясь в журчание воды, когда услышала знакомые шаги позади себя. Обернувшись, я от неожиданности дернулась.

Марк стоял так близко, что я видела каждую сгущающуюся крапинку в его карих глазах. Он смотрел на меня, и его лицо постепенно приобретало животные черты, что-то бесовское, внушающее необъяснимое желание умчаться подальше, забилось, запульсировало в его темнеющих глазах.

Неприкрытая алчность. Разгорающийся, пожирающий все на своем пути огонь.

Мое сердце бешено заколотилось, мне стало страшно. Невольно я сделала шаг назад, к краю обрыва.

– Софи... – прохрипел Марк, наоборот, подходя ближе.

Еще ближе, и еще. Почти вплотную, заставляя меня упираться взглядом в его напряженную грудь.

Я почувствовала, как грунт под моими ногами начал осыпаться, грозя лишить меня опоры. Мелкие камушки полетели вниз, к ручью. Тогда я действительно испугалась. Нет, не того, что в любую минуту земля может разверзнуться подо мной и я упаду на острые камни без всякой надежды выжить; нет. Я испугалась стоящего рядом мужчину.

Мышцы под его футболкой напряглись, рот и подбородок была частая дрожь, а взгляд запросто мог принадлежать психопату.

– Марк, что ты... – мой голос дрогнул, и я осеклась – поняла, что не смогу вымолвить больше ни слова.

Марк теперь был совсем близко, одной рукой он прижал меня к своей груди и, не дав мне и пискнуть, поцеловал меня. От неожиданности я вздрогнула и хотела было отпрянуть, сама не осознавая, *чем* это может кончиться, но Марк крепко удерживал меня подле себя – так, что я не могла ни отодвинуться, ни пошевелиться.

Движения его грубых губ были резкими, собственническими, в них не было нежности или мягкости, обычно свойственных первому поцелую. Марк цепкой хваткой держал меня за талию, сохраняя равновесие и балансируя на грани срыва в пропасть. Я же чувствовала себя тряпичной куклой – податливой, мягкой и безвольной. Когда я ощутила, что жжение в груди становится невыносимым, когда поняла, что задыхаюсь, что моим легким отчаянно нужен кислород, я попыталась что-то сказать, но рука мужчины больно сжала мои волосы, и я остановила свои жалкие усилия. Я вообще прекратила любые попытки вырваться.

Вместо этого я осторожно, не зная, что еще можно предпринять, стала отвечать на поцелуй. Приоткрыла рот шире, встретилась с его настойчивым жадным языком, позволила ему проскользнуть внутрь, полностью отдалась ощущению жара, скользкости и влажности с легким привкусом эля.

Марк благоговейно зарычал, и хоть от этого звука у меня внутри всё сжалось от страха, я все же смогла сделать пару живительных вдохов. Я тут же ощутила тепло по всему телу, приятно согревающее скованные напряжением мышцы, однако почти сразу же почувствовала, как его язык властно проникает в мой рот, соединяя нас еще ближе друг к другу, еще теснее. Рвано выдохнув, я подчинилась его животному напору.

Когда я робко положила руку Марку на грудь, он обхватил меня за талию и слегка приподнял – так, что наши губы стали находиться на одной высоте. Усилием воли я попыталась расслабиться и постараться получить удовольствие от его бесстыдных прикосновений.

Марк на секунду отстранился, я приоткрыла веки и заметила, что его глаза горят безрассудным огнем, желание, вырывавшееся из, казалось, самого сердца мужчины, поразило меня.

Когда я осознала, что являюсь причиной этого сумасшедшего блеска в его карих, почти медовых глазах, по моему телу прошла сладкая дрожь.

– Со-о-ф... – сорвалось с его губ.

Он жадно вглядывался в мое лицо, ловя последние отблески солнца на моих искусанных губах. Вот тогда-то я и почувствовала это – удивительный вихрь из страха, возбуждения и еще чего-то темного, запретного, будто я, несмотря на все предупреждения, приоткрыла потаенную дверь запретной комнаты. И еще эта опасность, реальная перспектива сорваться вниз на камни заставляла всю мою суть трепетать от лихорадки. Адреналин подстегивал меня ступить еще дальше, разорвать еще большие пределы. Испытать себя и свое тело в более опасных условиях. Почти невозможных с разумной точки зрения.

С разумной, благонаправленной и до охерения скучной.

Мгновение – и я потеряла всякую способность думать. Я приблизилась к Марку и накрыла его губы своими, позабыв о том, что еще пять минут назад боялась этого человека как огня.

Марк явно не ожидал от меня такого порыва. Он изумленно замер, совсем как я недавно, а когда оцепенение прошло, мужчина прижал меня к себе еще крепче, запрокинул мою голову назад, покрывая горячими поцелуями шею и спускаясь ниже, к горлу футболки, цепляясь горячим дыханием за разгоряченную кожу и нервное биение пульса. Он оттянул край моей футболки вниз и стал губами исследовать каждое углубление, каждую выпуклую родинку и ямку, каждый изгиб тела, встречающийся ему на пути. Я ахнула, когда он неожиданно прикусил нежную кожу над яремной веной. Втягивая воспаляющуюся от поцелуев кожу снова и снова, он с опьяняющей жадностью душил меня своим желанием, и я, изнывая от новых чувств, раннее мной неведанных, до боли прикусила губу.

Истерзанную его ненасытностью, с легким жжением на оголившихся местах.

Когда Марк, едва касаясь, провел ладонью по моей груди, я не сдержала рвущийся из горла тихий стон. Он поднял глаза и посмотрел на меня затуманенным взглядом. «Наверное, подумал, что померещилось», – догадалась я по выражению его глаз. Словно бы в опровержение, я улыбнулась молодому человеку отнюдь не целомудренной улыбкой. Обхватила его шею руками и сама притянула к себе, сминая тонкую ткань между нами. Я слегка отодвинулась влево и теперь солнечный свет, мягкий, слабый свет, падал на лицо мужчины, светлым мерцанием касаясь его скул, оставляя на его щеках темные тени от черных ресниц.

– Ты такая красивая... – прошептал Марк и осторожно, точно извиняясь, провел рукой по моей щеке.

Я приблизилась к мужчине и в свете стремительно убегающего за горы солнца разглядела в глазах Марка зеленый блеск – странный блик будто из другого мира. Он полоснул меня, словно удар плетью, подстегивая зарождающееся влечение и искушая меня двигаться навстречу природным инстинктам. Мысли радужно взорвались в моей голове, кружась и опьяняя своей энергией.

Я смотрела на Марка, он – на меня; куда подевалась темнеющая поляна, и журчание реки, и белеющие цветы в глубине леса? Неужто раскрошились исполинские горы, неужели сгнили вековые дубы, превратились в труху, в пыль, в ничто? Да, всё это исчезло, сжалось до размера песчинки, оставляя только меня, его и наши дрожащие в унисон сердца.

Неожиданно я во второй раз за день почувствовала, как земля уходит из-под моих ног.

– Черт, Соф! – Марк молниеносным движением схватил меня в охапку и потащил подальше от края обрыва.

Трясаясь всем телом, я оглянулась. Небольшой клочок земли, где мы с Марком стояли, ушел ярда на два вниз, от образовавшейся расщелины пошли неровные трещины.

– Черт возьми, – выругнулся Марк, обнимая меня. – Ты в порядке?

– Н-нормально, – ответила я, насмерть вцепившись в его руку и не отводя глаз от обрыва. Над обвалившимся участком земли клубилось мерно вздымающееся облачко пыли. Если бы Марк хоть на секунду замешкался, мы бы, несомненно, погибли.

– Идем, – сказал Марк, решительно разворачиваясь и уводя меня за собой.

Крепко обхватив мою талию, мужчина повел меня к машине. Ватная слабость в ногах, стук сердца, заглушающий любые звуки, медленно погружали меня в плотный закольцованный вакуум.

Марк оставил меня стоять в стороне – обхватив себя за плечи, я смотрела, как он торопливо складывает одеяло и собирает с земли пустые коробки в корзину. Я чувствовала, как меня бьет озноб – то ли от поднимающегося с ущелья холода, то ли от пережитого потрясения.

– Эй, – сказал Марк, подходя ко мне. – Ты вся дрожишь.

Я попыталась улыбнуться, но у меня ничего не вышло – подрагивающие губы не желали меня слушать.

– Сейчас я тебя согрею, – сказал мужчина, хмуро глядя на меня. Он подошел к машине, открыл дверь и достал помятую куртку.

– Так, давай-ка руку... – я послушно надела черную косуху, рукава которой доходили мне до кончиков пальцев. Куртка пропахла запахом табака, и я вдыхала его полной грудью, с удивлением замечая, как дрожь постепенно покидает мое тело.

– Слушай, прости меня, – сказал Марк, проводя ладонью по моему лбу. – Я не предполагал, что утес может обвалиться. Это всё из-за дождя, он размягчил почву. Мне ужасно жаль.

– Не бери в голову, – я постаралась, чтобы мой голос прозвучал ободряюще. – Я в порядке.

– Точно?

Я усиленно закивала.

– Хорошо, – мужчина слегка улыбнулся, и я, не сумев удержаться, улыбнулась в ответ.

Мы смотрели друг на друга; смеркалось. Я тут же вспомнила о нашем поцелуе, о моем первом поцелуе... Что, черт возьми, только что произошло? Его животный оскал, мой испуг, а потом это необычное чувство, идущее от живота и разливающееся теплом по всему телу. Я ощутила пульсацию в районе щек и, не успев подумать, неловко забормотала:

– Эм-м, так мы...

– Темнеет, давай собираться, – спас меня Марк, смотря на запад, туда, куда ушло солнце.

Я согласно кивнула, радуясь, что он сделал вид, будто не заметил моего смущения.

Марк подошел к машине, а я напоследок окинула взглядом нашу поляну. Ничего особенного – если не считать потрясающего вида на горы, – но у меня в душе, я это знала наверняка, эта маленькая лесная прогалина займет особое, потаенное место.

Когда мы сели в машину (снова забыв пригнуться, я задела макушкой крышу), я вытянулась на сидении и сладко зевнула.

– Можешь пока подремать, – предложил мне Марк, заводя мотор и включая тумблер.

– Нет... Ты лучше расскажи мне что-нибудь, – попросила я мужчину, следя за желтым светом фар, освещающим холмистую дорогу.

– Что?

– Не знаю, что-нибудь о себе, – сказала я и повернулась к Марку.

Я заметила, что уголки его губ чуть приподнялись, а глаза бесновато блеснули. Приковав всё свое внимание к молодому человеку, я приготовилась услышать от него забавный случай из детства, рассказ о его первом домашнем питомце, историю о девочке, что впервые разбила его сердце, или что-нибудь еще, что поможет мне узнать его поближе.

– Вообще-то это я хотел у тебя кое-что спросить. Можно?

– Да, разумеется, – не подозревая подвоха, ответила я.

Марк помолчал, вырулил на проселочную дорогу, а потом быстро, как бы невзначай, спросил:

– Это ведь был твой первый поцелуй?

Проклятие.

Вот и узнала его, блин, поближе. Ну и кто, спрашивается, тянул за язык?!

– М-м... нет. Нет, конечно, – ответила я, отчаянно заливаясь краской. – Я и раньше целовалась. Правда, давно, еще в школе...

Марк коротко взглянул на меня.

– А если честно?

Внутри у меня что-то сжалось. Мимо проносились черные тени, на безоблачном, дымчато-лиловом небе сиял одинокий месяц.

– Соф? – Марк, улыбаясь, не сводил с меня глаз.

– Да... первый, – наконец ответила я, смотря на свои стиснутые побелевшие руки.

– Понятно.

Я краешком глаза глянула на мужчину – его высокие скулы словно отгораживали нас друг от друга, губы были сжаты, а взгляд устремлен прямо перед собой. Страх в который раз за день сковал мои внутренности удушливым кольцом.

Я повернулась к Марку и неестественно звонко спросила:

– Я сделала что-то не так?

– Что? – Марк не отрываясь следил за петляющей тропой.

– Ну там, на поляне, – выдохнула я с отчаянием. – Я вела себя как-то неправильно? Не так, как нужно было?

– О чем ты? – Марк бросил на меня быстрый взгляд.

Я пожалала плечами и уставилась на темную, освещаемую только фарами дорогу.

– Если ты о поцелуе, то всё было замечательно, – сказал мужчина, качая головой. Потом добавил: – И потом, нет никакого «правильного» или «неправильного». Есть потрясающе, а есть то, что хочется поскорее забыть, вот и все.

– Не надо, – прошептала я, чувствуя, как начинает щипать глаза. – Только не надо меня утешать... пожалуйста.

Поджав ноги к груди, я обхватила себя за колени и пустым взглядом уставилась на петляющий желтый свет, который своим равнодушным мерцанием указывал нам путь домой.

Наивная! Дура, какая же ты дура, Соф!

А я-то думала, что веду себя как зрелая девушка! Мои движения языка – безусловно, робкого, зажатого, неумелого – не смогли скрыть моей неопытности.

Моей странности.

Дикости. Отчужденности.

Моей непохожести на других девушек – они носят каблуки, не боятся появиться дома засветло, а в их сумочках где-нибудь на дне, вперемежку между губной помадой и глянцевым журналом, блестит начатая упаковка с презервативами...

Стыд сжал мои плечи в суживающих тисках.

Мне было стыдно, очень. Мне 19, в моем возрасте девушки уже всюю занимаются сексом, а я еще ни разу не целовалась с языком. Мне хотелось сквозь землю провалиться от неловкости ситуации.

Да, тот пугливый паренек, смотавшийся в Крослин, постоянно лез ко мне, мечтая явно не только о поцелуях, но я была закрытая, точно спрятавшаяся в зарослях тины устрица, и не поддавалась на его уловки пойти к нему домой вечером или "порыбачить" на море, тогда как ни он, ни я, не были любителями этого невинного занятия.

Мы уже выехали на асфальтированную дорогу, машина начала набирать скорость и ехала как по маслу, когда Марк внезапно свернул с дороги на обочину и заглушил двигатель.

– Так, милая моя, – сказал он, поворачивая корпус в мою сторону, – а теперь давай поговорим.

Качнув головой, я продолжила вглядываться в стремительно темнеющее небо.

– Что, черт возьми, с тобой происходит?

Сглотнув, я бросила взгляд на его лицо.

Помотала головой. Черта с два! Хватит на сегодня позора.

Но он ждал, молча и серьезно, изводя меня этим молчанием хуже всего на свете, и наконец я сдалась.

– Я думаю... – неуверенно начала я захлебываться словами, – нет, я убеждена, что ты жалеешь. Ну, о том, что поцеловал меня, – пояснила я на вопросительный взгляд молодого человека. – И вообще о том, что повез в горы. Я думаю, ты остался не в восторге.

Марк посмотрел на меня так, будто я его ударила.

– Черт, Соф, откуда такие мысли? – он пораженно выдохнул. Взял меня за плечи и, хоть я и противилась, развернул к себе.

– Послушай, что я тебе скажу, – сказал мужчина, твердо смотря мне в глаза. – Да, ты неопытна, да, это был твой первый поцелуй, ну и что? Именно это мне и понравилось. По правде говоря, я еще никогда... никогда не испытывал таких сильных чувств.

Я в неверии подняла глаза.

– Я говорю правду, поверь мне. И если уж быть до конца честным, то я боялся, что это ты сочтешь меня слишком грубым. Я думаю, – он посмотрел на меня с виноватой улыбкой, – думаю, это был не тот поцелуй, о котором ты читала в книжках.

Я в полном изумлении уставилась на молодого человека.

Нет, не может этого быть...

– Мне все понравилось, – быстро ответила я, перемещая взгляд с его лица куда-то вправо, к родинке на верхушке его скулы. – Сначала я испугалась, но потом... Потом мне было приятно.

Марк усмехнулся.

– Ну, я рад, что мы все выяснили. Тебе все понравилось, – он наклонил голову в мою сторону, – и я остался рад как слон... Как огромный довольный слон, – он потрепал меня по горящей щеке. – Полагаю, теперь со спокойной душой мы можем возвращаться домой.

Вздвигнув, я слабо вздохнула. *Домой.*

– Да, едем в Лау.

Марк вел машину по пустынной дороге, из динамика доносился жизнерадостный голос Бадди Холла, и в какой-то момент я поймала себя на том, что подпеваю знакомым словам, настроение у меня стремительно пошло вверх, и уже вскоре мы с Марком, не сдерживая рвущегося наружу смеха, вместе пели «Maybe Babe», пока машина несла нас в самое сердце вечерней зари.

К сожалению, всё хорошее когда-нибудь кончается: через час мы подъехали к дому моих родителей. В окнах первого этажа, режа по глазам, горел свет.

– Спасибо тебе, – сказала я Марку в наступившей тишине. Из теплого салона машины стоящий на отшибе дом выглядел неуютно, его плотные стены будто вобрали в себя все тени ночи.

– За что спасибо?

– За пикник, за новые впечатления, за черничный пирог и за по... – я запнулась и неловко закончила: – ...потрясающий день в целом.

– Это тебе спасибо, Соф, – мужчина ласково посмотрел на меня. – Когда мы сможем увидеться?

– Не знаю, – честно ответила я.

– В следующую субботу ты свободна?

– Да, но... – я потупила взгляд. – Если я переживу сегодняшний вечер и меня не закроют под замок до конца моих дней, тогда да, конечно, я свободна.

– Хочешь я пойду с тобой? Постараюсь всё им объяснить, они ведь тоже когда-то были молодыми, должны понять...

– Нет, – я без промедления отклонила такую идею. – Спасибо, конечно, но, боюсь, так всё станет только хуже.

– Уверена?

– Абсолютно, – ответила я, растягивая губы в улыбке. В тот момент, когда до расставания с Марком оставались считанные минуты, я вдруг ужасно испугалась: я не хотела возвращаться домой. Не хотела видеть бесовские глаза-стрелы матери, не хотела слышать ее визгливые вопли, не хотела видеть усталого, разочарованного взгляда отца; ничего из этого. Больше всего я жаждала закрыться в своей комнате. Мне нужно было подумать, до боли в груди нужно было разобраться с мыслями, проанализировать все то, что случилось, а после закупорить это в сосуд, доступный только мне, сохранив таким образом ощущение этого волшебного, почти что сказочного дня.

И потому я – отчаянный, безрассудный поступок! – предложила Марку встретиться в субботу днем и несмотря ни на что пообещала вырваться хоть на минутку.

– Хорошо, – немного недовольно сказал молодой человек, – но на всякий случай... – он порылся в бардачке и достал оттуда ручку и помятый чек.

– Это мой адрес, – сказал Марк, быстро водя рукой по тонкой бумаге. – Я хочу, чтобы ты знала, где меня найти, на случай чего-либо непредвиденного.

– Идет, – сказала я, забирая чек, на котором аккуратным почерком было выведено «ул. Ленточная, дом 7».

– Ну всё, пора, – я отстегнула ремень и на секунду задержалась.

– Я всё же рассчитываю на субботу?..

– Да, да, я же пообещала, – я улыбнулась и, поколебавшись, быстро чмокнула молодого человека в щеку.

Затем выскочила на промозглую улицу и, не оборачиваясь, посеменила домой.

Многое я бы отдала, чтобы не возвращаться туда тем вечером! Наверное, если бы я знала, что мать приготовила для меня, мои колени и вовсе бы подогнулись, когда я входила в отчий кров, но как я могла такое предугадать? Я была глупа, наивна и немножко влюблена – в мужчину, о котором я знала едва ли больше, чем в нашу с ним первую встречу.

Глава 4

Дверь поддавалась легко – кто-то, кто был здесь последним, не знал о маленькой хитрости нашего дома: чтобы дверь плотно закрылась, ее нужно было сильно, с большим нажимом, прижать к дверному косяку. В прихожей я увидела льющийся из гостиной яркий свет, из-под прикрытой двери доносились возбужденные голоса. Очень тихо я повернула налево и вошла на кухню. Там я налила себе клюквенного морса, который мать приготовила еще утром, залпом выпила целый стакан, подошла к окну и открыла его. Дул восточный ветер, приносящий на своих крыльях ароматы полевых цветов, ночь была тихая, ясная, чудесная ночь. Вдыхая пьянящий запах, я чувствовала приятную прохладу на коже.

Я готова была смотреть на эту ночь и на это небо вечно.

– Но мы должны предпринять хоть что-то! – услышала я сердитый возглас.

Бедный, бедный отец! Мать, как обычно, повесила на него плоды своего необузданного воображения.

– Но послушайте, мы делаем всё, что возможно! – пробасил ей в ответ не менее раздраженный голос.

Я замерла. Голос, хоть и был мужским, никак не мог принадлежать моему отцу. Я напрягла память и попыталась вспомнить, откуда его знаю. И потом, словно удар под дых, – черт, да это же Джек Моррис, Гарда, старший сержант нашего городка! Именно он два года назад спас меня, и именно его сейчас снова вызвали, чтобы найти меня!

Выругнувшись, я на цыпочках подошла к гостиной. Остановилась возле двери, схватилась за холодную ручку и прислушалась. Мать о чем-то спорила с сержантом: насколько я поняла, она заявляла о похищении и требовала послать отряд на розыски ее пропавшей дочери.

– Так, дамочка, послушайте, – сержант, явно на взводе, повысил голос. – Мы *услышали* ваше обращение. Наш отдел, занимающийся административными правонарушениями, уже нашел молодого человека, которого вы описали.

Пауза. Такая долгая, что...

– Его зовут Марк Аттье.

Твою ж... Я тихо застонала. В отчаянии закусила губу, зажмурил глаза и борясь с желанием закрыть еще и уши.

Чтобы не слышать этого. Ничего не знать о том, что они...

– Наш сотрудник звонил ему на домашний телефон, который мистер Аттье оставил в полицейском участке, – продолжил мужчина спокойным голосом, тогда как я, застыв, с холодной липкой дрожью ожидала каждое его слово примерно так, как ждет оглашения приговора отчаявшийся преступник перед казнью.

– Так значит этот говнюк был замешан еще в каких-то гнусностях?!

– Не знаю, – медленно произнес сержант, и я с удивительной точностью представила, как он хмурит свои кустистые размашистые брови. – Вроде бы, у него был штраф за парковку в неположенном месте и...

– И что? – перебила его мать. – Вы дозвонились ему?

– Нет, мы звонили весь день, с той самой минуты, как нашли его номер у нас в базе, но трубку никто не взял. – Моррис замолчал и откашлялся. А потом произнес такое, отчего я даже зауважала толстяка. Так нагло насмеяться над матерью даже я себе не позволяла.

– День сегодня погожий, – произнес он, чуть вздыхая. – Может, парень пошел на рыбалку или на охоту, сейчас как раз сезон оленей...

– Или же ублюдок похитил мою дочь и держит ее в каком-нибудь сыром подвале! – голос матери задрожал, и она всхлипнула.

Я почувствовала, как защемило сердце глубоко в груди. Неосознанно я закусила губу, и из нее тут же потекла горячая струйка крови: я ощущала, как она сбегает по подбородку и крошечными каплями стучит по футболке. Я боялась, я ужасно боялась того, что они могут сделать с Марком, в чем смогут его обвинить.

– А прийти к нему домой вы не можете? – спросила мать с заметной обреченностью в голосе. – Клянусь, я...

– У нас нет его адреса, – спокойно перебил ее Моррис. – У нас в тот день была неразбериха в отделе, новый сотрудник проверил все не должным образом и... короче, мистер Аттье оставил у нас только номер для связи.

Я услышала судорожный вздох, будто женщине разом перекрыли доступ к кислороду, потом был протяжный крик бессилия, а после до моего слуха донеслось что-то уж совсем невозможное – судорожные, болезненно-истерические рыдания.

– Дорогая, успокойся, – услышала я отца.

Его голос дрожал, и я почувствовала укол совести, кольнувший меня по лопаткам.

Ну же, Соф, открой эту чертову дверь.

– Я вас понимаю, – сказал Джек мягко, уже без всякого зубоскальства. – У меня самого подрастают две девочки, и я знаю, каково это. Полиция, конечно, сделает всё возможное, но... – он помолчал, потом неуверенно продолжил: – На днях я видел вашу дочь. Она выходила из кафе поздно вечером, и она была не одна, вы меня понимаете? С ней шел молодой человек, по вашему описанию очень похожий на мистера Аттье.

Я слышала, как ахнула мать. Сама я прислонилась к стене и закрыла глаза. Неужели в этом чертовом городишке нельзя сходить в кафе с парнем, чтобы потом об этом не было известно всему городу?

– Также, миссис Майер, – продолжил Моррис, видимо, выбрав для себя девиз «лучшая защита – это нападение», – стоит заметить, что вы не в первый раз к нам обращаетесь. Помнится... – мужчина нахмурил лоб, – помнится, пару лет назад ваша Софи также убежала из дома.

– Что вы хотите этим сказать?!

– Ничего, – невозмутимо ответил сержант. – Я только хочу обратить ваше внимание на то, что ваша дочь импульсивная девушка и ей свойственны необдуманные поступки.

– Тогда был другой случай, а сегодня я своими глазами видела, как этот подонок против воли затащил мою дочь в машину, – с чувством возразила мать. Ее голос все повышался, как бы предупреждая, что душившая ее материнское сердце буря не за горами. – Запомните, Моррис, я его из-под земли достану, я добьюсь его ареста, даже если у вас, полицейских, кишка тонка!..

Дальше медлить было просто невозможно. Я набрала в грудь побольше воздуха и открыла дверь гостиной.

* * *

Три пары глаз разом уставились на меня. Мать с сержантом стояли друг против друга, словно два бойца на ринге, отец сидел на диване, подперев голову рукой – было ощущение, будто он пытался решить непосильную для его ума задачу.

– Соф?!

Мать глядела на меня, словно бы я была каким-то духом, восставшим из мертвых, кем угодно, но только не ее дочерью. Да, пожалуй, ради такой минуты стоило побыть в роли «похищенной».

– Всем доброго вечера, – сказала я, оглядывая присутствующих. – По какому случаю собрание?

Наверное, мне стоило промолчать. Или лучше всего – броситься к родителям на шею и умолять их простить меня. Наверное, мне нужно было извиниться.

Наверное.

Если и так, то знайте, что я не сделала ничего подобного.

– Софи... Бог мой, где ты была?

Мать выглядела насмерть перепуганной, на ее щеках виднелись дорожки слез, а ее волосы, всегда такие блестящие и опрятные, были растрепаны и взлохмачены, словно она не один час неистово дралась с разъяренным хищником, и только сейчас, одержав наконец победу, поняла, насколько глупо вела себя всё это время.

– У нее кровь! Боже, ты только посмотри на нее, – она с мольбой повернулась к отцу.

Черт, кровь... А я про нее забыла совсем. Ну и видок у меня небось сейчас, подумала я, в душе даже забавляясь сложившейся ситуацией.

Отец – очень спокойный, с застывшим, окаменевшим лицом – встал, подошел ко мне и, не отрывая глаз от моего лица, очень серьезно спросил:

– Ты в порядке, дочка?

Я кивнула. Отцу, кажется, больше ничего и не требовалось. Он подошел к Моррису и, прямо и ровно смотря в лицо офицеру полиции, сказал:

– Джек, приносим свои извинения. Ваша помощь нам больше не нужна.

Джек Моррис удивленно поднял брови, перевел взгляд с отца на мать, потом на меня и спросил:

– София, где ты была? Мы все ужасно волновались.

Мать хотела что-то сказать, но сержант не дал ей вмешаться.

– Мне нужно знать, что там произошло. Это, черт его дери, моя работа... По *вашей*-просьбе к вам в дом пришел я, а не тот, кому государство непосредственно платит за это деньги, также *вы*, – обратился он к матери, – устроили переполох во всей округе, и теперь за это нужно кому-то отвечать.

Мать поджала губы, открыла было рот, но благоразумно промолчала. Боже, храни тебя за это молчание!

– Я слушаю, – сержант обратился ко мне официальным, лишенным какого-либо окраса голосом – так мог бы судья зачитывать в зале суда смертельный приговор.

Я прошла на середину комнаты, села на диван, театрально закинула ногу за ногу (не хватало только закурить, изящно держа сигарету между средним и указательным пальцами) и равнодушно спросила:

– Что вы хотите знать?

– Где ты была? Что этот подонок сделал с тобой? Почему твое лицо в крови? – тут же засыпала меня вопросами мать.

– Ну-ну... – офицер, бросив взгляд на мать, качнул головой. – Вопросы здесь задаю я.

Мужчина повернулся в мою сторону, мать жадно впиалась в меня взглядом, а отца допрос и вовсе не интересовал: он дернул плечами и торопливо вышел из гостиной.

Моррис проводил его нахмурившимся взглядом, но промолчал.

– Итак, София... Я попрошу тебя отвечать мне по возможности честно – тогда ни у меня, ни у твоих родителей не возникнет нелепых недоразумений. На прямые вопросы отвечай строго «да» или «нет». Это понятно?

Мать удивил холодный тон его голоса, я же просто кивнула. Стрельнула коротким взглядом в сторону женщины. Выглядела она жалко.

Ты довольна, ведьма? Унизительный допрос человеком, который на нашем Олимпе является главным Богом – это то, что ты хотела для своей любимой дочери в такой чудесный, в общем, вечер?

– Хорошо. Я постараюсь тебя не задерживать, ты наверняка устала, – Моррис откашлялся и, вроде, смутился (а может мне это только показалось?). – Вопрос первый. Ты знаешь парня по имени Марк Аттье?

– Да.

Я слышала, как мать ахнула.

– Прекрасно, прекрасно... Уже хоть что-то. Этот день ты провела с ним, так?

Я против воли опустила под его натиском глаза.

– Да.

– Вышеупомянутый молодой человек вел себя с тобой неподобающе, проявлял насилие или принуждал к чему-либо?

Один вопрос – и я уже там, вернулась на нашу поляну, к краю обрыва. Впивающий, вбирающий, кажется, саму жизнь из моей глотки поцелуй, его руки, обхватившие меня, словно клешни, и грубые движения его губ, не позволяющие ни вздохнуть, ни оказать сопротивление.

– Нет, такого не было, – с запозданием ответила я, комкая слова.

– Ты уверена?

Черт, похоже, мужчина заметил паузу перед моим ответом.

– Абсолютно.

– Это значит «да»?

– Да, – я закатила глаза.

– Хорошо. Откуда на твоей футболке свежая кровь?

– Я прокусила губу... У меня такая дурацкая привычка.

– Дурацкая привычка. Чудесно.

В этот момент вошел отец. В одной руке он нес дымящийся чай, в другой держал пару бутербродов.

– Спасибо, пап, – я улыбнулась отцу, взяла из его рук пылающую жаром чашку и с удовольствием сделала большой глоток.

– Х-м-м... продолжим. У меня к тебе, Софи, последний вопрос, – сказал сержант, и я невольно напряглась.

– Я хотел бы переговорить с твоим знакомым, может, ты знаешь адрес, по которому проживает мистер Аттье?

Ох. А не жирно ли вам будет, а, мистер Я Хочу Всё Знать?

– Это имеет отношение к делу?

– Разумеется, – прищурил глаза, медленно произнес мужчина.

– Софи, – встрял отец, подсаживаясь ко мне, – если тебе что-то известно, все, что угодно, любая мелочь, лучше скажи нам это сейчас. Для нас всех так будет лучше.

Я почувствовала, что краснею, и опустила глаза в пол.

Черт, папа!

Солгать полицейскому, пусть он здесь хоть трижды Бог, или матери – это одно, а вот отцу... Я сглотнула.

– Мне ничего не известно, – сказала я наконец, не глядя в глаза отцу. – Я ничего не знаю... ни его номера телефона, ни адреса, ничего, – ответила я, почти ощущая, как исписанный рукой мужчины чек с его адресом в одну секунду прибавил в весе пару сотен фунтов, отягощая карман куртки лживым свидетельством.

– Отлично. Так я и думал, – Джек повернулся к моей матери. – Я узнал всё, что было необходимо. Составлением рапорта я займусь уже завтра. Если Софи захочет с вами поде-

литься, – он с легкой улыбкой взглянул на меня, – я уверен, она посвятит вас во все подробности сегодняшнего дня.

И полицейский, попрощавшись, вышел из гостиной. Хлопнула входная дверь, и комната погрузилась в тяжелую тишину.

Пережитый стресс утратил мой аппетит. Не чувствуя вкуса, я проглатывала кусок за куском, запивала всю эту мешанину приторно-сладким чаем и чувствовала себя такой уставшей, просто ужасно вымотанной.

– Итак... – мать уже отошла от шока. Ее ноздри раздувались, в глазах пылал чистый огонь, в руке, точно снаряд, готовый в любое мгновение выстрелить, зажат желтый карандаш, которым она до моего прихода марала безжалостно измятые листы бумаги.

Она встала передо мной, оперев руки в бока. Вкрадчивый, по-змеиному шипящий голос пополз по гостиной.

– Рассказывай... *дорогуша*, – мать выплюнула мне это слово в лицо так, словно долгое время сдерживала в кровотокающих деснах змеиный яд.

– По правде говоря, у меня нет желания что-либо говорить сейчас, – ответила я, стяхивая крошки с колен и демонстративно позевывая.

– Нет, Соф, довольно! – Карандаш полетел куда-то за диван. – Хватит с меня этого позора, что был здесь сейчас. Говори живо, где ты была.

Я устало подняла на нее глаза.

– Последнее, что я видела – это как здоровенный верзила хватается тебя за задницу, словно обезумевший зверь, и насильно заталкивает в машину. Соф, да меня чуть удар не хватил!

Я перевела взгляд к открытому настежь окну – небо было уже совсем черное, с улицы не доносилось ни звука, будто весь мир уснул под угольным, в белых крапинках, покрывалом.

– Ты позволила себе... А это что такое?! – она совершенно обезумевшим взглядом впиалась в надетую на мне кожаную куртку.

– Это его, да?! Того ушлепка? – взвизгнула женщина, потом вдруг протянула ко мне руки и стала яростно срывать с меня черную косуху.

– Прекрати! Ты что, спятила? – вскричала я, вскакивая с дивана и вырываясь из ее цепких пальцев.

– Ну всё, хватит, – отец встал между нами.

– Хватит? Разуй глаза! Ты что, не видишь, во что превращается наша дочь?!

– Вижу, – отец устало потер переносицу. – Только Софи устала, ты тоже измотана. Это был тяжелый день, и нам всем нужен отдых... Утром Софи всё нам расскажет.

– Но...

– Завтра. Ты поговоришь с ней завтра.

Твердость, даже какое-то упорство, несвойственное отцу, поразило меня. Видимо, и мать тоже. Потому что она вдруг тяжело выдохнула, сжала губы, а потом со стоном отяжелела диван.

И что же это, черт побери, значит?

– Софи, иди в постель, – скомандовал мне отец.

Я тупо смотрела на них. Идти спать? А как же долгий допрос, нудные вопросы и бессмысленные, никому не нужные проповеди?

– Или ты решила остаться и поведать нам с мамой о своем приключении сегодня?..

– Нет, пап. Я иду спать, – быстро ответила я, пожелала родителям спокойной ночи (что было немного неуместно) и выскочила из гостиной.

Захлопнув дверь спальни, я завалилась на кровать, с головой накрывшись одеялом. Сил хватало, чтобы просто лежать. Лежать, вглядываясь в танцующий тенями потолок, и просто слушать жужжащий рой в голове. А мысли все равно возвращались к нему.

К его рукам.

Вдруг захотелось их почувствовать.

В низ живота хлынула горячая волна жара. Втянув ноздрями воздух, я плотно сжала губы. *Остановись, Соф.* Прекрати это. Прекрати это сейчас, пока это еще можно остановить.

Застонав, я повернулась набок и подложила ладонь под горящую щеку. Мне предстояло о многом подумать – и прежде всего о том, почему Марк вдруг занял в моей жизни настолько важное место, что я стала ради него лгать представителю закона и отцу, которому до знакомства с мужчиной я всегда говорила только правду.

Глава 5

Проснулась я в двенадцать часов дня – гораздо позже, чем обычно. Встала с постели, потянулась, открыла окно и вдохнула в себя весну. Так дивно, так сладко было в то солнечное утро! На первый этаж я спускалась с легким ощущением радости в груди, я улыбалась – сама не зная чему.

На кухне я встретила мать, которая разговаривала с отцом, и судя по их лицам – разговор шел обо мне. Я поздоровалась и села за стол. Мать тут же вскочила с места – словно ей теперь было противно находиться рядом со мной.

Снова, сейчас она снова покажет себя в своем сучьем обличи.

А потом я почувствовала, что стол дрогнул – это мать швырнула на него тарелку с яичницей.

– Ешь, – бросила она мне.

И почти сразу раздался еще один бросок.

На этот раз это была миска с кашей – пристроившаяся на стол с такой силой, что я могла поклясться: днище тарелки пошло трещинами.

– Спасибо, мам, – ответила я, качая головой. Вопросительно посмотрела на отца – тот только помотал головой.

Глаза внимательные, как всегда... Впрочем, нет.

Сегодня слишком внимательные.

Ели мы с отцом в тишине. Мать отошла к плите, и я кожей почувствовала ее тяжелое дыхание.

– Софи, – позвал меня отец в тот момент, когда гнетущая тишина начала давить на голову не хуже пыточных тисков.

– Что?

– Ты кое-что обещала нам вчера.

– Обещала? Я? Что-то не припомню... – я сделала удивленное лицо.

Намек на раздражительность во взгляде отца и наступившая следом тишина, вместо аплодисментов встретившие нерадивого клоуна, оборвали у меня всякое желание кривляться.

– Ах, это... Ну да. *Конечно*, – ускользнувший из-под моего присмотра, разумеется, предназначался только для материнских ушей.

И знаете что? Я рассказала им о Марке. Сказала, что это мой старый знакомый (хоть Моррису и было известно, что Марк впервые приехал в Лау этой весной, мать этого знать не могла), рассказала о пикнике и о том, что мне *чертовски жаль*, что я заставила их нервничать.

– Кхм... – нахмурился отец, выслушав меня. – Может, ты и сказала нам правду, может и нет. Это известно только господу Богу. Во всяком случае, это очень *похоже* на правду. Хм...

– отец посмотрел на мать и сказал: – Софи, мы думаем, что тебе лучше не ходить одной по городу. По крайней мере, до конца этой недели. Завтра утром я отвезу тебя на работу, а потом заберу в шесть часов вечера домой.

Закончив с неудобным для него разговором, он принялся за кофе. Слегка улыбаясь (тоже мне наказание!), я потянулась за печеньем, и в тот момент мать, в упор глядя на отца, выразительно прочистила горло. Мужчина поставил чашку на стол, сжал губы в тонкую линию и хмуро проговорил:

– И еще... На выходных ты будешь гулять только в пределах нашего участка.

Черт, а вот с этим уже посложнее. Я увидела, что отец, скривив лицо, повернулся ко мне с таким видом, словно извинялся за свои последние слова.

Я знаю, пап, знаю... Ты не хотел ничего подобного.

Я улыбнулась и кивнула отцу: «Все в порядке, не страшно». Уголки его губ немного приподнялись, и он, откашлявшись, сказал:

– Вот мы всё и разрешили, да, девочки?

Мать закатила глаза и промолчала.

Вот и славно, мам. Надеюсь, твоя завистливая душонка довольна.

– Хорошо, а сейчас... Софи, ты можешь закончить ту работу, что бросила вчера днем.

– Конечно, пап.

Я встала со стола и, не глядя на мать, боясь хоть как-то выдать свою тревогу, направилась в прихожую.

– И да, Соф, – крикнул отец у самой двери. – Постарайся на этот раз никуда не сбегать... А если уж совсем приспичит, предупреди нас с матерью на худой конец.

Усмехаясь, представляя себе, как мать, покраснев до ушей, сердито шикнула на мужа, я вышла на свежий воздух.

Всё-таки с отцом мне повезло.

Всю неделю я выкладывала товар на полки, сверяла ценники и принимала грузовики с паллетами, которые были вдвое выше меня.

«Временно, – твердила я себе, обслуживая за кассой поплывшие от жира знакомые и незнакомые лица, – это всё временно. Временная работа...»

В пятницу время бежало быстрее моих мрачноватых мыслей: я не заметила, как за окном начало темнеть.

– На сегодня всё, – сказал мне Финч, администратор магазина, в полседьмого вечера.

– До понедельника, – сказала я, чувствуя, как ноющая боль разливается по мышцам всего тела: сегодня я таскала тележки с коробками и почти не стояла у кассы.

Выйдя на улицу, я с благодарностью вдохнула чистый сумеречный воздух. Пахло травами и еще чем-то легким, весенним. Уйдя в свои мысли, я не заметила, как налетела на полненькую светлую девушку.

– Ой... – Я буквально врезалась в нее, и она от неожиданности выронила свои многочисленные сумки и пакеты на землю. Зеленые яблоки, точно кузнечики, выпрыгивали из пакета и понеслись по ярко-красному тротуару.

– Простите меня ради бога, – я быстро посмотрела на девушку, которая каким-то образом умудрялась поднимать свои баулы с земли и свободной рукой держать вырывающегося ребенка. Не теряя ни минуты, я кинулась вниз по тротуару, где яблоки, стремительно набирая скорость, скатывались с потрескавшегося кирпича. Собрав все фрукты у подножия холма, я вернулась к девушке.

– Еле догнала, – сказала я, убирая прилипшие ко лбу волосы. – Еще раз извините.

Девушка, получив обратно свой пакет с несколько побитым содержимым, смотрела на меня, нахмутив свои широкие брови: я могла бы сказать, что она усиленно пытается что-то вспомнить.

– Мы раньше не встречались? Ваше лицо кажется мне знакомым.

– Не думаю.

Нет, среди моих знакомых нет молодых мамочек с потертыми штанами из магазина типа «Всё задаром». Ты ошиблась, крошка.

– Бог мой... – внезапно воскликнула она, расширив глаза. – Софи!

Я недоуменно нахмурилась: откуда эта девица меня знает? Знакомая матери?

– Соф, ну что же ты, не узнаешь меня?

Я усиленно вглядывалась в ее полное лицо, обрамленное отросшими корнями волос, пытаюсь найти хоть что-то, любую деталь, которая поможет мне узнать незнакомку.

Наконец я виновато пожала плечами.

– Я Эллен, – пораженно вымолвила девушка, – Эллен Клайд. Мы же дружили в школе...

– Эллен? Эля?!

Я с немым удивлением уставилась на девушку. *Да ну нет, не может такого быть.*

Сейчас я вспоминаю, как стояла тогда с разинутым ртом посреди тротуара, и мне становится стыдно...

– Что, так изменилась? – Эля посмотрела на меня, высоко подняв брови.

Что я могла ей ответить? Я смотрела на нее во все глаза, ища, выискивая в стоящей передо мной девушке ту Элю – которую я помнила и с которой кидала камешки навстречу бушующим волнам. Куда, черт подери, подевалась миниатюрная красавица, по которой с ума все ребята со школьного двора?! Потускневшая, замученная домом и детьми, она смотрела на меня и, разумеется, всё понимала.

Черт, да у нее даже взгляд стал мутным и каким-то блеклым, словно выцветшая футболка.

– Ну... нет, – наконец проговорила я, отводя глаза и отчаянно пытаюсь придумать какое-нибудь объяснение своей заминке. – Просто, понимаешь, я сегодня без очков, поэтому все люди для меня сейчас как большие груши-переростки.

Эля эту нелепую ложь проглотила. Выпучила свои огромные глаза и покачала белокурой головой. Да и что ей в сущности оставалось делать?

– А вот *ты* изменилась, Софи, – вдруг сказала мне девушка, придирчиво меня оглядывая.

– Ну да. Два года, считай, прошло, – ответила я ей, гадая, неужели я выгляжу для нее так же, как и она для меня – незнакомкой в чужом облике?

– Ты повзрослела, прическу сменила и одеваешься по-другому, – медленно произнесла Эля, качая на руках надувшуюся девочку. – И взгляд стал таким серьезным, целеустремленным, что ли...

Я еле сдержалась, чтобы не хмыкнуть. Серьезный взгляд?

Да ладно.

– Вот только знаешь, Соф, – она прошлась по мне глазами, – кожа рук у тебя совсем испортилась. Ну, да ты и сама должна это понимать. Сухая, вся в мозолях и шелушениях... Нехорошо, – она прищелкнула языком и добавила: – Если что, ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью. Я об этом знаю всё: ванночки, маски, примочки – ты спрашивай, не стесняйся.

Покраснев, я не сразу нашлась, что ответить. Абсурдность ее слов вызвала во мне неконтролируемый смех, который, однако, я все же сдержала.

Руки... конечно же, они в ужасном состоянии. Таскание туда-сюда тяжелых коробок, знаешь ли, не способствует гладкости кожи. Мне очень хотелось огрызнуться, но потом я еще раз посмотрела на нее и сладко улыбнулась.

У нее и так далеко не сахарная жизнь.

К тому же она права – руки у меня и правда в дрянном состоянии.

– Обязательно, Эль, – сказала я, старательно улыбаясь. – А что у тебя нового, как вообще дела?

Она, казалось, только и ждала этого вопроса: люди так любят почесать языками о себе любимых! Я узнала, что сразу после окончания школы девушка поехала на курсы журналистики в Крослин, вышла там замуж за фермера (бросив обучение), еще через полгода родила Соню и сейчас по ощущениям предполагает, что снова беременна.

– Здорово, поздравляю! – я расплылась в улыбке, и, боюсь, улыбка моя была далека от искренней радости.

К счастью, девушка этого не заметила: она повернулась к дочери, достала из кармана широких штанов замызганный платок и вытерла им у сладко посапывающей на плече дочурке струйку мутно-желтой слюны. Я не смогла подавить дрожь отвращения.

– А как там Дэн? – спросила я просто чтобы заполнить возникшую паузу. – Наверное, тот еще красавец...

Девушка хмыкнула, порылась в большой (огромной!) сумке и вытащила на свет фотографию с затертыми углами.

– Сама мне скажи: красавец он или нет.

Я долго смотрела на снимок. На нем шесть юношей-спортсменов, одетых в красные плавки, стояли на песчаном пляже и улыбались на камеру.

– Что, тоже не узнаешь? – спросила Эля, подходя ближе.

– Он? – я ткнула пальцем на самого тощего из ребят.

Эля покачала головой, закатила глаза и указала на самого высокого парня в центре. Я ахнула.

Угловатый, чуть высокомерный школьник остался сидеть за партой, на его место пришел Дэн – с хорошо развитой мускулатурой, ясными глазами и вздернутым кверху подбородком.

– Обалдеть! – проговорила я, пялясь на снимок. – На него наверняка вешаются все девочки в городе.

– Да куда там, он только о колледже и думает. Мечтает поступить в медицинский, – она хмыкнула.

– Достойная цель, – улыбнулась я и порадовалась, что у парня высокие стремления.

Эля лишь отмахнулась. Соня вновь захныкала, и девушка, качая ее, сказала:

– Она есть хочет, наверное. Мы пойдем.

– Да, конечно, – я посмотрела на ее взмокшее лицо.

Мы обнялись.

– Рада была тебя увидеть, Соф, – сказала Эля, поудобней обхватывая дочь.

– Взаимно. Передавай привет Дэну.

– Обязательно, – отрешенно пробормотала она, взваливая на себя натянутые до предела сумки и пакеты. Помахала мне загруженной вещами рукой:

– Пока, Соф! Мы еще увидимся! И не забывай про руки, – подмигнув, крикнула она мне, перебегая дорогу и не обращая внимания на сигнализирующих ей вслед водителей.

Не сдерживая усмешку, я пошла вдоль улицы. Я подымалась в гору, слушала далекое пение альбатросов (возможно, это самцы решили испытать удачу, привлекая своим писком самых красивых самок побережья) и не переставала думать о том, как же может измениться человеческая жизнь. Если я когда-то вспоминала свою школьную знакомую, мне приходило на ум только одно слово. Эля была самой «милой» из всех, кого я знала. Образ светловолосой девушки с хрупкой фигурой и прозрачными голубыми глазами запечатлелся у меня в голове и не хотел связываться с потрепанным видом домохозяйки и спиногрызом на ее покрасневших от натуги руках.

Шла я по нашей Песочной улице, задумавшись о судьбе, о случайностях и о том, к чему может привести всего одно свидание с фермером. Зайдя домой, я, ведомая восхитительным запахом, околдовавшим мой голодный желудок, поспешила на кухню, где застала стоящую у плиты мать. Женщина помешивала в большой кастрюле картофельное пюре, а бурлящая рядом сковородка, несомненно, была виновницей аромата, пропитавшего весь дом с ног до головы.

– Как вкусно пахнет! – сказала я, подходя к плите. – Что у нас сегодня на ужин?

– А тебе это к чему? – спросила мать, добавляя в кастрюлю куркуму – пюре сразу же приобрело красивый золотистый оттенок. – Неужели в кафе стали хуже кормить? Или у него хватило денег только на чай?

– О чем ты? – я приподняла крышечку и зажмурилась от ударившего по глазам пара.

– Ты прекрасно знаешь, о чем.

Когда до меня медленно начал доходить смысл ее слов, я поперхнулась сташенной со стола половинкой огурца.

– Обалдеть, ты думаешь, я ужинала с Марком... Невероятно, – я со вздохом опустилась на стул.

Посмотрела на часы – они показывали половину восьмого. Ох, обычно в это время я уже давно дома.

С минуту мы молчали. Из радио нежно лился блюз. Мать добавляла мои любимые специи в булькающую подливу, я вслушивалась в доносившееся из живота урчание, которое, надеюсь, было слышно и ей.

– Мам, – я опустила голову на скрещенные руки и полулегла на кухонный стол. – Я правда никуда не заходила после работы. Встретила на улице школьную подругу – Элю, ты должна ее помнить, она как-то к нам приходила, светленькая такая. Ну, мы и поболтали немного. У нее, кстати, дочка недавно родилась, Соней назвали...

Не дождавшись ответа, я вскочила из-за стола. Не успела я сделать и пары шагов, как мать рявкнула:

– А ну живо за стол!

Я поплелась обратно. Села, взяла вилку и размешала поставленное напротив моего стула пюре с подливой.

– Мам, я правда с ним не виделась сегодня, – сказала я очень тихо, прожевывая тушеное мясо.

Я подумала, что снова назревает скандал, но она смогла меня удивить.

– Да знаю я, – ответила мать, вздыхая и садясь рядом.

Мы ели в молчании. Когда из радио послышались первые звуки сказочной сюиты Грига, мать спросила:

– Как дела на работе?

Я пожалала плечами. Сегодняшний день был похож на вчерашний, а завтрашний будет просто продолжением сегодняшнего. Просто еще одна копия.

– М-да... – женщина недовольно поджала губы. – Ты должна быть благодарной, Софи. Помнишь Белинду, парикмахершу на Стоуридж стрит? Ее дочь, твоя ровесница, уже как третий месяц не может найти работу. Бедняжка.

Я кивнула, практически не слушая. Интересно, а куда поведет меня Марк завтра?..

– Скажи мне, что с тобой происходит?

Резкий голос матери вдребезги разбил мои витания в облаках. Партия тем временем набирала ход: фаготы, виолончели и контрабасы легкой поступью вышли на сцену.

– Ничего не происходит. То есть в данный момент я ужинаю... – сказала я, стараясь всё перевести в шутку, но женщина даже не улыбнулась.

– Он тебе нравится, Софи? – тихо спросила она. Для меня этот вопрос прозвучал так же спокойно, как если бы рядом раздался огнестрельный выстрел.

– Не понимаю, о чем ты, – буркнула я, нанизывая на вилку кусок свинины.

– Ну как же? Не понимаешь, значит... – она с преувеличенной педантичностью положила нож и вилку на стол, словно боялась в порыве чувств их расплющить. Или что похуже.

Потом глубоко вдохнула и спросила:

– Скажи мне, ты представляешь вас вместе? Думаешь о нем перед сном? А когда ты вспоминаешь о его улыбке, твое сердце не пропускает пару-тройку ударов?

– Хватит, – сказала я, тоже откладывая приборы и всей душой желая, чтобы она замолчала.

Скрипки и альты передали эстафету гобоям и кларнетам, ускоряя, наращивая темп. Зловещие звуки дружным строем промаршировали по кухне.

– Тебе нравится о нем мечтать, Соф? – ядовито прошептала мать. – Уже придумала, какое свадебное платье наденешь и как назовешь детей? Ты уже распланировала вашу *счастливую семейную жизнь*?

– Я сказала, ХВАТИТ! – я не заметила, как вскочила из-за стола. Руки безостановочно тряслись, и чтобы унять дрожь, я сжала их в кулаки, надавив ногтями на одеревеневшие сухожилия.

– Вот ты мне и ответила, – сказала мать, подымаясь со стола с видом победительницы. Выдохнув, я покачала головой.

Зачем ты это делаешь? Не надо, мама. Пожалуйста, оставь это.

– Только хочу тебя предупредить, я ведь твоя мама, я должна дать своей девочке совет.

– Пожалуйста, не надо, – почти против воли взмолилась я.

Я прекрасно знала, что стоит ей чуть надавить, как *это* вырвется наружу, сметая всё на своем пути.

Мелодия неумолимо двигалась к концу, предвещая яркую кульминацию, а она, похоже, и не замечала надвигающейся бури. Сверлила меня серо-синими – черт, так похожими на мои собственные! – глазами, а рот ее, кривляясь, выплевывал желчь порцию за порцией.

– Всё может закончиться не так радужно. Ты знаешь... – она замолчала с таким видом, будто решалась на что-то самое важное в своей жизни. – Я никогда тебе не говорила...

Она откашлялась и даже немного порозовела.

– В пятнадцать лет я пошла в лес за ягодами. Обычное лето, обычный день. А возвращаться домой мне пришлось глубокой ночью, чтобы соседи не увидели, в какие клочья превратилась моя юбка. Прямо как в сказке про заблудившуюся девочку, которую спас добрый принц... Только в моем случае никакого принца не было. Это было до знакомства с твоим папой. Чудо, что я вообще смогла потом... Неважно. Тогда я пообещала себе, что *моя дочь* никогда с таким не столкнется, что я этого не допущу.

– О господи...

Я прикрыла глаза, переваривая услышанное. То, что я узнала, должно было, казалось, возродить во мне что-то, что я не чувствовала уже много лет... но балом заправляла только злость, как обычно.

– Я сделаю все, я серьезно, Соф, все, только чтобы...

– Что ты несешь! – Я закричала, встряхиваясь от наваждения.

Она, конечно, специально мне это рассказала. Попыталась таким образом вызвать во мне жалость, а там еще и до сопереживания недалеко... Либо еще дальше, к более глубоким родственным связям, будто бы мы обычная мама и дочка – обе нормальные, обе адекватные.

Смешно.

– При чем здесь твоя юность? То, что произошло с тобой... да, это ужасно, но это была *твоя* жизнь, а это *моя, черт возьми, и я знаю, что я делаю!*

Она вдруг засмеялась. Противный звук, словно скребут ногтем по стеклу. Я закрыла уши, не в силах и дальше это слышать. Только повторяла непослушными губами: «Замолчи, замолчи, пожалуйста, замолчи...»

– А ты заставь меня! Ха-ха-ха-ха... А, – ее кошмарный гогот перешел в истерию. – Ну конечно! Я же твоя мать, ты *ничего* не можешь мне сделать.

Заходясь в крупной дрожи, я с ужасом смотрела на стоящую напротив меня женщину. Первобытная, такая древняя, что захватывало дух, ярость, пропитывающая кровь, ломающая кости, скручивающая жилы, ударила меня в самое сердце.

Я так боялась, что она сожрет меня. Сплющит меня в своих косматых объятиях, лишив возможности дышать, видеть, чувствовать. Выжрет мне внутренности, оставив за собой глубокие рваные раны, сочащиеся черной, липкой кровью. Я боялась ее, а ей – о, боги! – ей это было только на руку.

Холодные мурашки липкой волной расплескались по всему телу. Что-то темное заскреблось под кожей в ожидании веселой заварушки.

Толчок. Робкий стук под ребрами.

Нет – уже не остановить.

Кухня в один миг превратилась в огромную жаровню, я чувствовала, как липкий жар растекается по лбу, переходя к вискам и отдаваясь там пульсирующим стуком.

И это взбесило меня едва ли не сильнее, чем произнесенные матерью последующие слова.

– Позволь мне – *как матери* – открыть тебе правду, – сказала она, подходя ко мне ближе. – Даже если он не изнасилует тебя где-нибудь на голом утесе, зажимая твой кривляющийся рот кулаком, а потом не оставит тебя, полуголую, подышать от холода, он в любом случае поступит с тобой как подонок. У меня нюх на таких. Вот увидишь, он наобещает тебе гору алмазов, верную любовь и сильное плечо, а потом, когда наиграется, бросит одну...

– ЗАТКНИ РОТ! – прорычала я, чувствуя, что нахожусь на грани, кошмарной грани, переступить которую означало бы стать кем-то иным, кем-то, кто гораздо хуже моего представления о себе самой.

Басы виолончелей и контрабасов уже притоптывали в зловещей пляске, ударные во всю мощь заходились в бешеном вихре.

– Да, – продолжала мать гнусавым голосом, – да, он бросит тебя, как последнюю потаскучу, как сучку, готовую раздвинуть ноги при первом ласковом словечке на ушко, а потом найдет себе другую подстилку...

Сознание помутилось, глаза застлало красной пеленой – я слышала резкий хлест как будто во сне. Я даже сначала ничего не поняла.

А потом...

Я будто бы кино смотрела, где подымалась моя рука, но не могла ее остановить. Охватившая мое нутро злость была страшной, безбожной. Я полностью ей подчинилась, отдала ей себя всю – до последней капли холодного пота, ледяным душем прошибающего ряды позвонков.

Звучание оркестра вдруг резко оборвалось. Нечисть ликующе приветствовала горного короля.

Дрожа, я не сводила глаз с родного мне по крови человека. Мать стояла посреди кухни, ее глаза, округлившись, наполненные влагой, казалось, застыли во времени, по левой щеке расплзлось большое, стремительно краснеющее пятно. Песенка спета – сделав несколько упрямых попыток, оркестр окончательно смолк.

Ни слова не говоря, я выбежала из кухни. В темноте, спотыкаясь, я добежала до спальни и, завалившись на кровать, беззвучно закричала в подушку.

«А что, если она окажется права? – вдруг подумала я, чувствуя, как от напряжения начинает скручивать виски. – Что это все игра, мираж под прикрытием красивых слов и поступков? Что ты будешь делать тогда, Соф? *Что?*»

Глава 6

Надетое на меня платье – белоснежное, с вышитыми розами на подоле – было слишком тесным. Клянусь, я пару раз слышала, как оно затрещало по швам в районе талии.

– Да что же это такое? Никак не возьму в толк... Милочка, да вы поправились фунтов на десять! – сказала мне костюмерша на последней нашей примерке.

«Ну да, набрала парочку фунтов, ну и что? Не впадать же из-за этого в депрессию за неделю до свадьбы», – подумала я тогда, беззаботно отмахиваясь от слов женщины.

Стоя сейчас перед большим зеркалом в полный рост, я усмехнулась своим мыслям. Из зеркала на меня смотрела девушка в подвенечном платье и с глупой улыбкой на лице, улыбкой, которая бывает только у чертовски влюбленных людей. Плевать, подумала я, проводя рукой по белой ажурной ткани. Марку плевать, поправилась я или, наоборот, схуднула. Он любит меня не за мою внешность.

Я еще некоторое время покрасовалась перед зеркалом, осматривая себя с разных сторон. Улыбнулась, показывая ровный ряд белых зубов. Поправила нежную ткань, собравшуюся складками на боках.

Сегодня самый счастливый день в моей жизни.

Я шла к алтарю, украшенному белоснежными орхидеями, и думала только о том, как бы не упасть на глазах у всех гостей, пришедших на нашу свадьбу. Мельком я видела, что приглашенные на празднество люди застыли, чинно сложив руки на коленях, на их лицах читалась одна и та же счастливая улыбка. Я поискала глазами мать – сгорбившись, она тихо плакала в свой носовой платок, отец обнимал ее за подрагивающие плечи.

Пройдя три ряда, я подошла к Марку. Он стоял в черном смокинге, в окружении ослепительно-белых цветов, и он улыбался мне – девушке, которая через каких-то полчаса будет называться его женой.

Сияя улыбкой, я стала по левую от мужчины сторону.

Подшел священник и начал что-то долго говорить своим низким, праведным голосом. Когда он закончил, мои ладони покрылись жарким потом. Наконец настала самая важная часть торжества.

– София Джейн Майер, готовы ли вы взять в законные мужья Марка Криспина Аттье, чтобы всю жизнь любить его, заботиться о нем и быть ему верным другом?

– Да, – ответила я без промедления. – Готова.

Я услышала, как всхлипнула мать. Улыбаясь, я повернулась к Марку. Его глаза не отрываясь смотрели на меня, одними губами он прошептал: «Я люблю тебя». Я еле сдержала хихиканье.

– Марк Криспин Аттье, готовы ли вы взять в жены Софию Джейн Майер, чтобы посвятить ей всю оставшуюся жизнь, оберегать ее, ценить и уважать?

Я затаила дыхание. Через несколько секунд мы с Марком станем мужем и женой.

Нас всех отвлек звук мотора: на дороге, проходящей недалеко от лужайки, на которой нас с Марком венчали, показался черный кадиллак. В нем сидели разукрашенные девицы в таких нарядах, которые, бьюсь о заклад, могли затмить лучших проституток Бродвея 20-ых годов. Кое-кто из парней, приглашенных на венчание, присвистнул. Автомобиль медленно, будто нарочно, проехал по дороге; девицы, оглядываясь, перешептывались между собой.

Я нахмурилась: не нравились мне эти прохвостки. Посмотрев на Марка, я увидела, что его лицо и корпус были развернуты в противоположную от меня сторону, в сторону кадиллака.

Что за чертовщина?..

Священнику такой ход событий тоже, вероятно, не понравился. Он кашлянул и продолжил:

– Марк Криспин...

И тут произошло нечто совсем возмутительное. Автомобиль, уже наполовину скрытый за поворотом, резко дал ход назад. Машина остановилась прямо напротив алтаря. Девушка, сидевшая на водительском месте, заглушила мотор. Насколько я могла разглядеть, из четверых девиц у нее было самое глубокое декольте и самая яркая губная помада.

Я покачала головой. Ну, это уже чересчур. Она, может, и не видит, но мы тут заняты важным делом – у нас *венчание*, черт побери, а такое, как известно, случается не каждый день.

Внезапно девушка на переднем сидении задрала юбку и перевесила свою обнаженную ногу за дверцу машины, демонстрируя всему свету свою белую кожу. Ее острый каблук коснулся ветрового стекла, девушка плотоядно растянула губы в улыбке – она прекрасно знала, какой эффект возымело ее обнаженное бедро на мужскую часть гостей.

Я уже хотела было рявкнуть, чтобы они убирались куда подальше, когда нахалка с ярко-красной помадой прокричала:

– Эй, ты!.. Красавчик в черном смокинге!

Позади меня как будто прошла гудящая волна. Почти все мужчины были одеты в черные костюмы, и все они, судя по их реакции, были не против того, чтобы оказаться тем самым «красавчиком».

Черт, даже священник не мог отвести глаз от ее бесстыжих ног!

– Давай с нами, женишок! Развлечемся, лапуля... Может, последний раз в твоей жизни!

Когда смысл ее слов дошел до меня, я вся побагровела. *Да как она смеет?!*

По лужайке прокатился возбужденный рокот. Дрожа, я не отрывала взгляда от девушек. Они ни на минуту не переставали привлекать к себе внимание гостей: всячески заигрывали с толпой, играли своими волосами, трогали свое тело, и их томные стоны доносились до меня сквозь вой ветра и шум гостей.

И тут все звуки перекрыл потрясенный возглас священника.

– Молодой человек, что вы... ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ? – закричал он не своим голосом.

Неужели кто-то из парней повелся на этот дешевый цирк? Я повернулась к гостям, к Марку, и мое сердце отчаянно дрогнуло. Из меня будто весь воздух выкачали: под алтарем, с которого спадали нарядные ленты, цветы и рюши, я стояла одна-одинешенька.

– Нет, – прошептала я, глядя, как Марк уверенным шагом идет к машине. Парни засветили ему вслед, а сидящие в кадиллаке девушки громко заулюлюкали.

– Нет. Боже, нет...

Я в бессилии рухнула на колени: ноги больше не держали меня. Из гостей кто-то поднялся и быстро подбежал ко мне. Шум в моей голове все нарастал, и я, уткнувшись в чью-то мужскую грудь, бессвязно бормотала: «Это какой-то бред... Нет-нет-нет, Марк, нет...»

Оторвавшись от мужчины, от которого исходил знакомый запах кофе, я сквозь слезы посмотрела на дорогу. В этот самый миг одна из девушек притянула моего без пяти минут мужа за галстук и впилась ему прямо в губы. Он обхватил ее за талию одной рукой, другой лаская ее груди, его рука опускалась все ниже, и ниже...

– Нет, Марк! Не-е-ет! – я кричала, надрывая горло, а мой крик все равно не мог заглушить стучавшие в моей голове стоны...

Я резко распахнула глаза. Сердце колотилось, словно сумасшедшее, а в мозгу еще отдавались звуки из сна.

Я пару раз медленно выдохнула кислый воздух из легких.

Соф, успокойся. Это ВСЕГО ЛИШЬ дурной сон. Черт... и приснится же такое.

Я быстро вскочила с постели, где вчера, не раздеваясь, легла спать. Открыла нараспашку окно и глубоко вдохнула свежий воздух. В голове начало проясняться, но чувство иррацио-

нальности не покидало меня. Щурясь на солнце, я вспомнила, что сегодня первое июня. Первый летний день... Я должна сделать так, чтобы это лето стало незабываемым, помню, подумала я.

Как там говорится: *бойся своих желаний, да?*

Когда я спустилась на кухню, то не учуяла привычного запаха жареного бекона или свежее испеченного тоста. Зато я увидела там мать – она сидела на краешке стула и пила кофе. Я так поняла, что это и был ее завтрак.

– Доброе утро, – я сдержанно поздоровалась.

– Доброе, – ответила мать. Подойдя ближе, я заметила, что она как бы невзначай уложила волосы с начесом на левую сторону лица.

Молча я подошла к холодильнику, вынула вчерашнюю запеканку и поставила на плиту греться. Пока баклажаны медленно насыщались жаром, мы молчали. Пока я раскладывала на тарелку печеные овощи, мы также не проронили ни слова. И завтракали мы тоже молча – я молча смотрела в свою тарелку, мать – в кружку с кофе.

Когда я мыла посуду, на кухню вошел отец.

– Всем доброе утро, – сказал он, устало развалившись на стуле.

Мы с матерью кивнули, и я, не желая снова сидеть, словно в рот воды набравши, поспешила уйти к себе. Я чувствовала некую стесненность в ее присутствии, почему-то я уже не могла вести себя с ней так естественно и свободно, как раньше.

В два часа дня, ровно за час до назначенной с Марком встречи, я подошла к кухне, взялась за ручку дверцы и в нерешительности остановилась: давно я не слышала у отца такого раздраженного голоса.

– Ты совсем себя не бережешь.

– Вздор. Ты, как обычно, преувеличиваешь.

В голосе матери не было возражения – только сухая апатия и безразличие.

Как-то непохоже на нее. Может, она опять заболела?

Открыв дверь, я вошла на кухню. Мать сидела на том же самом стуле – было ощущение, будто она с него и не вставала. Отец возле плиты помешивал жарящуюся капусту.

Я присела за стол, с любопытством поглядывая на женщину. Она даже не шелохнулась, словно меня и не было здесь (или она, так далеко уйдя в свои мысли, перестала ощущать себя частью нашей небольшой компании).

– Тебе помочь? – спросила я у отца, не вынося и дальше отсутствующего, словно у человека с поврежденной психикой, взгляда напротив.

– Да сиди уже, – бросил отец, излишне громко гремя ложками.

Через несколько минут мы все вместе уплетали горячий куриный бульон. Вернее, с аппетитом ели мы с отцом, мать только планомерно остужала свою порцию, переливая и снова набирая унции наваристого супа.

– Ты согласна, Софи, что твоей маме нужно взять отпуск и хорошенько отдохнуть? – неожиданно обратился ко мне отец.

– Ну... да, – ответила я, глядя на круги под глазами и бледную кожу женщины. – Не помешало бы.

– *Вот видишь*, – отец с нажимом посмотрел на жену, – твоя дочь тоже так считает. Решено, с понедельника ты берешь выходную неделю.

Мать ничего не ответила, даже глаз не подняла.

– И это не обсуждается! – рявкнул отец так, что я с удивлением воззрилась на него. Он сморщился.

– Извините, – сказал он нам устало, – просто я... я переживаю. Не хочу, чтобы с тобой, дорогая, случилось то же, что с Мэри.

Ах, Мэри.

Я потеряла глаза, чтобы отец не видел, как я закатила их. Мэри Арансон – молодая учительница английского, пришла утром на работу в свой любимый класс, а в четыре часа дня ее уносили на каталке – у женщины случился сердечный приступ от переутомления. Она умерла, так и не доехав до больницы. После в городе, конечно, многое поговаривали, но лично я считаю, что никакое это было не переутомление. Все знали, что ее муж замечательный человек, любящий отец и неукротимый зверь на работе, но все также знали и то, что у него были *некоторые слабости*. Как и у других мужчин, скажите вы? Я с вами не соглашусь – мой обожающий мать отец никогда бы не пошел *по неправильному пути*, так что моей матери, в отличие от бедной Мэри, при всем желании не грозил сердечный приступ «от переутомления» (хотя я и считала, что в случае чего моя мать достаточно сильная женщина, чтобы пережить и это).

Отец, видимо, решил, что она согласилась взять отпуск, и потому ел второе уже не с таким остервенением. А потом – буквально через минуту с разговора о здоровье матери, произошло то, чего никто из нас не мог предугадать. Словно бомба замедленного действия, из открытого окна подул сильный порыв ветра, развевая волосы матери, которые она так тщательно укладывала сегодня утром в нелепую прическу – очевидно, с целью спрятать от мужа наверняка все еще красную щеку.

Мать втянула носом воздух, и звук этот был настолько громким, что отец оторвался от поглощения аппетитного бигоса. Периферическим зрением я видела, как он повернул голову в ее сторону. А потом услышала это протяжное «А-ааах...». Поджав губы, я нашла в себе силы поднять глаза. Только усилием воли, скажу я вам, я не повторила за отцом его изумленное «А-ааах...». Мне даже пришлось поджать губы. Видит бог, я совсем этого не хотела.

Почти вся левая щека матери приобрела глубокий бордовый оттенок. Темно-желтый тональный крем, которым женщина щедро замазала половину своего лица, едва ли скрывал масштабы всей катастрофы. Мне, как и отцу, прекрасно были видны фиолетовые сгустки крови, спекшиеся у нее под кожей. Зрелище было не из приятных, но тем не менее мы с отцом никак не могли отвести от него глаз.

– Кто... – отец поперхнулся куском мяса, закашлялся, грубо сбросил мою руку, пытающуюся дотянуться до его спины, и только через минуту наконец смог вымолвить: – Кто это сделал?

Мать ему не ответила. Опустив глаза, словно грешница, она молча смотрела на свои руки. Мой отец, конечно, боялся услышать ответ, но знал бы он, как было страшно мне!

– Отвечай! Кто этот подонок?!

Я, замерев, не сводила глаз с матери.

«Ну давай же, скажи ему... Пусть он узнает всю правду о наших с тобой отношениях. Скажи ему, как тебя, словно клоуна перед выступлением, разукрасила собственная дочь. СКАЖИ ЕМУ, МАМА, НУ ЖЕ, СКАЖИ!»

Вдруг мать подняла свои глаза, васильковые радужки которых, точно только что опыленные бутоны, запорошились пылью-пленкой, и посмотрела прямо на меня. И я бы, возможно, поверила ее внезапно потеплевшему взгляду, которым она меня одарила, если бы в этот момент ее брови слегка не приподнялись, а уголок ее губ чуть-чуть не потянулся бы вверх. О, дьявол!

Я раскусила ее в один миг, я сразу все поняла. Я знала, чего она хотела.

О, это было так очевидно-ожидаемо! Такая прекрасная идеалистическая картина, в которой роли «раб-хозяин» были до блеска отполированными, почти что вылизаны. Стать послушной, образцовой дочерью, такой серой мышкой, никуда не высывающейся и всегда соглашающейся с умными взрослыми – взамен на молчание.

Нет, мамочка, слишком это дорогая цена.

Я слегка качнула головой и улыбнулась ей. Едва заметно, чтобы не увидел отец – хоть он и смотрел только на свою «дорогую», я не хотела рисковать. А ее брови поползли еще выше. Может, она не ожидала от меня такой дерзости или думала, что я не понимаю всей серьезно-

сти своего решения, однако я понимала. Я знала, что она не блефует, знала, что меня ждут крупные, намного большего размера, чем могло мне сулить общение с Марком, неприятности, но тем не менее я еще раз упрямо качнула головой. Уж кто-кто, а моя дорогая мамуля должна была знать главную черту моего характера.

Женщина наклонила голову набок – так, что идущий от окна дневной свет еще больше выставил напоказ ее безобразный синяк. Она будто давала мне последний шанс. Я упрямо вздернула голову вверх. Этим ты меня не возьмешь.

Мне подумалось, что она уже готова была усмехнуться, а потом разразиться дьявольским смехом, как показывают в фильмах ужасов, один из которых – жуткого вида женщина с растрепанными волосами визжа, как свинья, носится по дому с гладким, сверкающим в свете полной луны ножом для мяса – мы с Мией как-то раз видели в уличном кинотеатре Крослина.

Мать, однако, молчала, а мы с отцом, хоть и по разным причинам, оба медленно умирали от страха.

– Я сама виновата, – ответила женщина тихо, но очень четко. – Вчера вечером я по темноте спускалась с лестницы и не увидела одну ступеньку... Дорогой, прости, что сразу не рассказала, – она отвела взгляд от моего лица и посмотрела на мужа, – ты и так выматываешься на работе, и я не хотела давать тебе нового повода для расстройств.

Отец вздохнул и, сетуя на ее невнимательность и халатность к собственному здоровью, спросил, приложила ли она лед, намазала ли ушиб мазью. Она виновато кивнула.

Ох, папа, и ты ей поверил?

Я, прожигая глазами лицо матери, злобно сощурилась. *Что за игру ты затеяла? Планируешь меня этим дальше шантажировать? Думаешь, я не пошлю тебя при первой же попытке намекнуть на что-либо подобное? Думаешь, ты победила, думаешь, обхитрила меня? Что ты так усмехаешься, ведьма? Я злилась, у меня было чувство, будто я чего-то не понимаю, будто она знает что-то такое, чего не знаю я. Впоследствии выяснилось, что зря я так низко думала о своей матери – насколько я знаю, для остального мира тот синяк так и остался следствием ее «халатной невнимательности» к своему здоровью.*

Когда мы в молчании допивали клюквенный морс, я кое на что решилась.

– Можно мне сегодня погулять? – спросила я, обращаясь к обоим родителям.

Отец быстро взглянул на жену, но та снова смотрела только на меня.

– Соф, – сказал отец так, словно я была раздражающим комаром, который летает по комнате, пищит и не дает уснуть. – Мы же с тобой договорились – эти выходные ты сидишь дома...

– Можно.

Мы с отцом разом обернулись. Мне не могло это послышаться? Она и правда это сказала?

– Дорогая?.. – отец рассеянно заморгал. – А как же запрет?

– Ты можешь сегодня пройтись по утесу, там, где мы сможем тебя видеть. Всего на час, – произнесла мать скороговоркой. – Ей нужен солнечный свет, смотри, какая она бледная, – пояснила она на вопрошающий взгляд отца.

Отец, быстро взглянув на меня, возражать не стал. Я бросила последний взгляд на мать, в котором подозрительности было явно больше, нежели благодарности, и бегом, пока они не передумали, понеслась к лестнице.

Впоследствии это взаимное недоверие часто вставало между нами – напряженное, как струна, оно постоянно маячило где-то на заднем фоне, раздражая нас обеих, о чем мы, разумеется ни за что бы не признались.

Сейчас я думаю, а может из-за него все вышло таким поганым образом? Нет, не из-за него, конечно... Нет, но мне иногда нужно скинуть с себя хоть небольшую часть давящего груза.

Хотя бы малую часть вины.

* * *

Я ступила на засушливый утес – в воздухе пахло фиалками и морской водой. Идя к заранее обговоренному месту, я радовалась тому, как развеивается легкое платье на ветру, каким красивым цветом налились бутоны фиалок и как беспощадно греет сегодня солнце всё вокруг.

Марк стоял там, где мы договорились – около выжженной, обласканной солнечным светом поляны.

– Привет, – просияла я, подходя ближе. Мы обнялись (я невольно засмушалась) и зашагали в сторону моря. Я в общих чертах рассказала Марку о том, что было после нашего расставания. Услышав про бесплодные попытки полиции дозвониться до него, Марк только усмехнулся.

– Я дал им несуществующий номер – они могут трезвонить туда сколько душе угодно, – говорил он, самодовольно потирая ладони.

– Марк, пообещай мне кое-что, – попросила я, когда мы возвращались по пустынной дороге к моему дому.

– Все, что хочешь, Веснушка.

– Пообещай, что будешь осторожен. Ты знаешь... – тут я немного поколебалась. – Мать заточила на тебя зуб, и у сержанта твое имя на ус намотано. Пожалуйста, не лезь на рожон. Лау прекрасный город, но иногда – это есть в любом коллективе – люди часто бывают предвзяты к новичкам, ты понимаешь, о чем я?

Мужчина беспечно улыбнулся и закинул руку мне на плечо.

– За меня не волнуйся. Просто я отличаюсь от них, но совсем скоро люди привыкнут ко мне, как привыкают к новой мебели у себя дома или новому костюму. Поначалу все новое кажется чудным, не таким, как должно быть – это свойство человеческой психики, но постепенно люди свыкаются и через некоторое время уже не отличают новое от старого.

Я вяло улыбнулась, в глубине души сомневаясь, что Марка смогут принять в нашу тихую обитель так легко и просто, как он надеется.

– Лапуль, мы же завтра встретимся? – спросил Марк, когда мы уже подходили к моему дому, и я вздрогнула.

– Что такое? – заметил мужчина мою реакцию.

– Ничего, – я мотнула головой, а образ перед глазами никак не хотел уходить.

Размалеванная девица, черный галстук Марка в ее руке и эти отвратительные красные губы...

– Ну так что, пойдём гулять?

– Мы и сейчас гуляем, – я улыбнулась, оправляя юбку платья, снова и снова пытающуюся вздернуться вверх.

– Нет, это не то. Я имею в виду настоящее свидание.

Я подавила вздох. Нет, на свидание мать меня точно не отпустит.

– На этих выходных не выйдет, – ответила я, вспоминая отцовские слова: *Соф, ну мы же с тобой договорились – эти выходные ты сидишь дома.*

– Не получится, говоришь?

– Нет, – на это раз я все же вздохнула.

Марк помолчал.

– Я что-нибудь придумаю.

– *Что?* – я бессильно взмахнула руками. – Мне нельзя выходить за пределы дома и территории вокруг.

– Доверься мне, – мужчина легонько сжал мои плечи. – Завтра мы идем с тобой на свидание. Даю слово.

Я усмехнулась, останавливаясь напротив шелестящих лип. Мы почти подошли к моему дому.

Отметя все колебания, я поцеловала мужчину в щеку, задержавшись на его скуле чуть дольше, чем планировала изначально.

– Только без похищений, идет?

Марк засмеялся.

– Понял, понял. Все будет прилично, обещаю.

Я улыбнулась, через плечо поглядывая на дорогу. До дома оставалось шагов десять, не больше.

– Ну, я пойду, – сказала я, подавив внезапную грусть, сжавшую мне грудную клетку.

– Хорошо, – Марк с неохотой убрал свою руку с моих плеч. – Тогда до завтра.

– До завтра, – я помахала ему рукой, в последний раз посмотрела на него и не оглядываясь пошла к дому.

– Софи! – окликнул меня мужчина, когда я уже открывала калитку. – Знаешь, тебе чертовски идет это платье.

Смутившись, я поскорее, пока Марк не успел крикнуть что-нибудь еще, закрыла за собой дверь.

«Мать ошибалась вчера, – думала я, лежа в постели без сна. – Он не похож на других мужчин, он не такой».

Боже, как же я была тогда права! Марк Криспин Аттъе действительно оказался не таким, как все мужчины.

И скоро судьба предоставила мне шанс в этом убедиться.

Глава 7

Сидя следующим утром на кухне в ожидании чая, я всем нутром ощущала волнение, я улыбалась – совсем каплю, но мать заметила мою полуулыбку, или, быть может, ей не внушил доверия блеск моих сияющих глаз.

– Ты почему такая счастливая?

Я оторвала глаза от тарелки с овсянкой.

Ах-х, а я так надеялась, что ее «обет молчания» затянется на недельку-другую.

– Сегодня воскресенье, – буркнула я неопределенно.

Мать с подозрением посмотрела на меня. Потом она подошла к окну, открыла дубовые ставни, на которых виднелась необлупленная вишневая краска, и заглянула во двор. Я увидела, что небо было чистого голубого оттенка – оно так и манило пройтись пешком или погонять на велосипеде пару миль.

– Ты куда сегодня не пойдешь. Захочешь подышать свежим воздухом – выйдешь во двор. И ни шагу за калитку, поняла?

Я повела бровями и ничего ей не ответила. *Как скажешь, мама.*

По радио снова играла классика – на этот раз Людвиг ван Бетховен, Девятая симфония, если не ошибаюсь (почему-то именно классическая музыка шла по радио без помех и перебоев). Нужно сказать, что слова матери нисколько не убавили моего оптимизма. Я-то знала, что Марк свое обещание выполнит, что он человек слова, что он не такой, как остальные мужчины.

– Я буду следить за тобой весь день, девочка, – сказала мать, поддёргивая мышцами лица. Можно было подумать, что у нее начался нервный тик или что-то в этом роде. – Не сомневайся, я прослежу, чтобы в девять вечера ты лежала в своей постели.

Я прослежу, чтобы в девять вечера ты лежала в своей постели... Как будто с узницей разговаривает, честное слово.

Мать прошла по кухне, потянулась было к чашкам, но увидев, что они чистые – чище уже только задницы ангелов, – отпрянула от них. Ее глаза с лихой скоростью перебежали с одного предмета на другой, она будто боролась с чем-то внутри себя. До меня донеслось что-то похожее на *«это слишком, слишком... хотя почему бы и нет?»*

Вдруг она резко остановилась посреди кухни, так и не присев на стоящий рядом стул. Женщина уставилась в одну точку, ее глаза широко расширились – так, будто она пришла к какому-то решению.

– Я запрю тебя на ночь, – сказала она, глядя по-прежнему пустым взглядом перед собой.

– Что?

Что, блин?

– Сегодня в девять часов вечера я запрю тебя на ночь в твоей комнате. Утром, в восемь, открою, – повторила она, не сдвигаясь с места.

Взгляд остекленевший, глаза поддёрнуты мглистой пленкой.

– *Что ты сделаешь?* Повтори, пожалуйста, – сказала я, все еще надеясь, что это шутка.

– Ты слышала. А сейчас доедай кашу и иди помоги мне на улице.

Я не шевельнулась.

– Ты не имеешь на это права.

– Я твоя мать, и у меня достаточно на это прав!

– Мне девятнадцать, я – совершеннолетняя. У тебя *нет* таких прав, – возразила я, чувствуя, как колотится всё внутри.

Так она мне мстит за пощечину, догадалась я.

– Ошибаешься, дорогая. Пока ты живешь под моей крышей, ешь еду, которую я готовлю, и носишь одежду, которую я для тебя покупаю, я имею на тебя *любые* права.

– Я прекрасно могу питаться и одеваться за свои деньги.

– Можешь, конечно, но ведь не делаешь этого, – сказала она.

С триумфальным вызовом усмехнулась. Оскал-улыбка, стальной прищур.

Да она издевается надо мной!

Я сжала челюсти так сильно, что у меня от напряжения начала болеть голова. Горячая ирландская кровь матери в одно мгновение взбурлила в моих жилах, бросившись в лицо волной раскаленного жара.

Если бы взглядом можно было убить, она бы уже давно была мертва. Лежала бы с перерезанной глоткой. А мой взгляд все еще цеплялся бы за ее горло, снова и снова разрезая его, словно буханку батона на завтрак – легко входя, острое ножа вгрызлось в мягкую кожу, переламывая суставы и тупое упрямство в ее серых глазах. Послышался бы хруст костей...

От яркого зрелища меня отвлекла зажженная в голове красная лампочка.

Стоп.

Спокойно, Соф. Ты же не хочешь, чтобы повторился тот вечер. Ты не должна допустить этого.

– А если я захочу в туалет посреди ночи? – спросила я, надеясь, что мой голос прозвучал с издевкой, а не с бессильной яростью.

– О, дорогая, это не проблема. – Мать подошла ко мне и наконец посмотрела на меня своими большими замутненными глазами. – Мне не хочется доставлять тебе неудобств – я оставляю в твоей комнате большое железное ведро.

Сжавшись, я взмолилась, чтобы мне хватило сил смолчать.

Хватило – мать, словно опасаясь за свою вторую щеку, позвала меня следом и быстро вышла из кухни. Высокие нотки Девятой симфонии резко оборвались, оставив меня в полной тишине. Обессиленно смотря на полуприкрытую деревянную дверь, я вдруг почувствовала, как апатия буквально сваливает меня с ног. Упав на стул, я пустым – наверняка таким же, как у матери минуту назад – взглядом уставилась прямо перед собой.

Закрыв глаза.

Замерев.

Почти слившись с предметами интерьера. Потонув в эфемерной безликой тишине.

Лишь слушая, как сбавляет набирать обороты кровь в висках.

И отцу ведь ничего не сказать, он сегодня опять будет до ночи работать... Через минуту я вздохнула и с чувством покорности судьбе побрела вслед за матерью во двор.

Выйдя на улицу, я увидела, как огненная копна волос исчезает за дверью нашего старенького сарая. Я поплелась за матерью. Женщина, роясь в пыльных залежах хлама, дала мне поручение обстричь кусты можжевельников на заднем дворе. Стиснув зубы, я нашла сукачки, обтряхнула засохшую грязь с перчаток и самым ядовитым тоном поинтересовалась, где мне найти нашу раскладную лестницу. «Небось отец куда-то запрятал, вечно у него все не на своих местах», – бормотала мать, недовольно поджимая свои тонкие губы. Радуюсь забывчивости отца, я постригала в тот день только те кусты, которые доставали мне до макушки.

Работа была монотонной, если не считать укусов крапивы, листья которой изредка обстрекали мне пальцы через крохотную брешь в перчатке. Я словила себя на мысли, что постоянно оглядываюсь по сторонам. Я не могла усидеть на месте и вскакивала всякий раз, когда слышала шум проезжающей машины (что, впрочем, было нечасто), а к двенадцати часам дня и вовсе поймала себя на мысли, что *мечтаю* о том, чтобы пришел Марк и увез меня куда-нибудь в неизвестном направлении.

После обеда (жаркое из свинины я лишь поковыряла: в животе у меня словно образовался глухой заслон, перекрывающий даже такой древний инстинкт, как голод) я вышла из

дома. Мать куда-то испарилась – у меня было предположение, что она заинтересовалась кладовкой на втором этаже: оттуда открывался восхитительный обзор на подъездную аллею и парадный двор. В плетеной кресле-качалке, оставленной матерью во дворе, я просидела до самого вечера.

Солнце медленно опускалось за ветви деревьев. Его лучи в последний раз коснулись моих волос, и огненный шар скрылся за кронами лип, растущих вдоль линии забора.

Со стороны леса горько ухнула сова.

Я прикрыла глаза. Ну не могла я поверить, что вечер наступил так скоро!

За ужином я с таким сосредоточением разглядывала бледно-золотую стену нашей кухни, что на это в конце концов обратили внимание.

– Софи, ты чего? – спросил отец, отрываясь от тарелки. Впервые за многие вечера он ужинал дома, а не в кэбе, на обочине какой-нибудь безлюдной дороги. – Заболела?

Мать злорадно ухмыльнулась. Я мотнула головой и посмотрела на часы: они показывали начало девятого.

– Я пойду, – сказала я, отодвигая стул.

Отец ничего не сказал, а мать тут же всполохнулась и спросила, куда это я собралась.

– Захотелось подышать свежим воздухом, – прогнусавила я, быстро шагая к двери.

Мать опередила меня – как бойкий надзиратель, постоянно готовый к какой-нибудь выходке своего заключенного, она загородила собой выход из кухни: руки в боки, глаза сощурены в узкие щелки.

– Ну ты чего? – вступился отец, продолжая размеренно разрезать свой стейк на ровные полоски. – Пусть прогуляется.

– В девять чтобы была дома, – сказала мать, недовольно отходя в сторону. Потом она покосилась на мужа и тихо, так, чтобы отец не услышал, добавила: – Я не шучу. Если не придешь до девяти часов, будешь ночевать на улице.

Я без слов выбежала из дома. Самообладание как-то разом покинуло меня – горячие слезы, которые я сдерживала весь вечер, замутняя взор, прыснули из глаз.

В предсумеречном, лилово-рыжем свете я нашла наш с сестрой Наблюдательный Пункт – он никак не изменился, остался все тем же, что и в тот день, когда мы с Мией последний раз становились на него. Я забралась на самый верх (кладка кирпичей опасно пошатнулась), опустила руки на край брикетов, на которых уже кое-где произрастала худая трава, и положила голову на запястья. С этого места мне были видны поле и застилавший его туман. И еще море.

Было красиво. Мир постепенно готовился ко сну.

Не знаю, сколько я простояла одна, в окружении густого тумана и кузнечиков. Опомнилась только тогда, когда небо вконец порыжело.

Во сколько сейчас заход солнца?

Я быстро спрыгнула с Наблюдательного Пункта и побежала домой, на ходу вытирая мокрые щеки рукавом рубашки. Когда я вошла в прихожую, я заметила стоящую около окна гостиной мать. Услышав шум, она обернулась.

– Считай, тебе повезло сегодня, – сказала она, скрещивая руки на груди.

Я взглянула на часы. Они показали без трех минут девять.

Да, мам, повезло так, что сдохнуть легче.

* * *

Вдоволь простояв под горячими струями душа, я вытерлась полотенцем, надела свой любимый махровый халат и только потом зашла в спальню. Села на кровать... и замерла.

В самом углу, задорно блестя серебром, точно рождественский подарок, стояло большое металлическое ведро.

Покачав головой, я упала на прохладный шелк простыней, еще несколько минут полежала на спине, глядя в потолок, потом высушила волосы, надела длинную рубашку и, хмуро глядя перед собой, уселась на подушки. Несмотря на ранее пробуждение утром, сна не было ни в одном глазу. Я посмотрела на маленькие часики, лежавшие на прикроватной тумбочке. Мне они нравились, их подарил мне на восемнадцатилетие отец.

Через два с половиной часа наступит новый, прекрасный день. Поздно, слишком поздно...

Читать мне не хотелось, но ночник я включила. Взяла деревянный гребень и расчесала волосы, заплетая пряди в тугую косу (сейчас такими уже никто не пользуется, но тогда, в 1961 году, до Ирландии еще не дошел крупномасштабный бум синтетики и пластика, и мне, если честно, это нравилось). Потом вытянулась на кровати.

Время шло очень медленно, ползло, наполняя мою голову вязким туманом. Сквозь набегающую дрему мне чудился странный шум во дворе, какие-то шебаршения около двери спальни, звон ключей (что вполне могло мне привидеться), отчетливый, господствующий над другими звуками стук карманных часов.

Через какое-то время я дернулась и открыла глаза, приподняв голову с подушки. Меня разбудил тихий, но настойчивый стук в дверь. Я встала с постели, все еще сонная, с тяжелой головой, подошла к двери, подергала ручку – заперто (все же не привиделось). Прислушавшись, я поняла, что все еще слышу стук, но исходит он не от двери, как я думала спросонья, а от окна...

Неужели заблудшая птица рвется на горящий в спальне свет, с легким раздражением думала я, подходя к окну. Я спала, мне снилось что-то очень хорошее (я не запомнила, что именно, но послевкусие после сна осталось приятным), и меня отнюдь не радовал тот факт, что из-за какой-то пернатой нахалки мне пришлось вернуться в свою мрачную реальность.

Я подошла к окну, увидела в нем свое размытое отражение, открыла с трудом поддающиеся ставни и осмотрелась. Ночь была такая темная, что я на собственной шкуре ощутила выражение «хоть глаз выколи». Темнота была густой, и я не услышала ни одного звука или шороха – ничего, будто ночная жизнь вдруг затихла, играя со мной в прятки. Поежившись, я уже хотела было затворить окно, но мельком глянула вниз и ахнула.

– Боже...

Темная фигура шевельнулась, ступила под тусклый свет ночника, и я увидела, что, облокотившись на старую раскладную лестницу, под моим окном стоял Марк. В его зубах была зажата ветка сирени, глаза сияли бесноватым огнем.

Мужчина ухмыльнулся и, приложив палец к губам, поднялся еще на одну ступеньку выше. Я потрясенно мотнула головой.

– Ты сошел с ума.

Марк пожал плечами, мол, *ничего не поделаешь, крошка*, и выжидательно посмотрел на меня. Помедлив, я неуверенно обвела комнату взглядом. Если мать что-либо узнает об этом, она меня убьет. С другой стороны, мне было велено не уходить из спальни после девяти, а Марк, судя по всему, собирался (хоть и весьма наглым образом) напроситься ко мне в гости.

Я ведь не нарушаю запрета, правильно?

Сама того не осознавая, я потянулась к ручке и открыла окно нараспашку. Мужчина, опершись на оконные выступы, ловко запрыгнул на подоконник. Один наклон, подъем – и вот уже Марк Аттье стоит в моей спальне.

Взяв сирень в руку, он протянул мне пушистую ветку. Я, все еще не придя в себя, молча приняла ее.

– Ну здравствуй, Веснушка, – сказал Марк, подходя ближе.

– Привет...

Я смотрела на стоящего рядом со мной мужчину и не могла отвести от него глаз. Приглушенный свет ночника только подчеркивал его жестковатые черты лица, темные волосы у него закурчавились и придали ему сходство со средневековым демоном-искусителем.

– Как и обещал, у нас сегодня свидание, – проговорил Марк, не отрывая от меня глаз.

Я перевела взгляд на часы – без пяти минут 12.

Бог мой...

– Ты знаешь, ты самый сумасшедший из всех, кого мне приходилось встречать, – прошептала я, глядя на молодого человека.

– И именно поэтому я тебе и нравлюсь, – подхватил он, кивая.

– Да... – не раздумывая согласилась я.

Увы, до моего сознания не дошло, *что* только что сорвалось с моих губ.

Пленённая его внезапным появлением, я все же заметила, каким взглядом Марк прошелся по моей шее, ключице, как его взгляд опустился ниже... Я вдруг вспомнила, что стою перед ним в одной рубашке. Тут же я ощутила, как жарко заалели щеки. Бессознательно я облизнула губы и заметила взгляд мужчины, последовавший за движением моего языка. Я смутилась еще больше.

Марк подошел ближе, сделал шаг, другой, пока между нами не осталось пары дюймов. Я с легкостью могла разглядеть каждую ресницу на его темных глазах. Он легонько прикоснулся к моей щеке, провел по ней, направляя выбившуюся прядь за ухо.

Дотронулся до губ и коснулся шеи, чуть надавливая на кожу.

Я сглотнула. Внезапно стало очень жарко. Горели уже не только щеки, горело все тело. Около самого уха я услышала чарующий шепот, разнесший по моему телу миллионы мурашек. Дыхание в одну секунду участилось.

– Софи... – прошептал он, и от звука своего имени, произнесенного его голосом, я потеряла способность мыслить здраво.

Закрыв глаза, я почувствовала, как губы мужчины мягко прикоснулись сначала к моей щеке, потом к ямочке над губой и только потом соприкоснулись с моими полураскрытыми губами. Марк целовал меня очень нежно, очень чувственно, и да, *тот* поцелуй был похож на те, о которых я мечтала, засыпая.

Ветка сирени выскользнула из моих рук и полетела на пол. Я ответила на прикосновения его губ не раздумывая. Марк слегка сжал мою талию и притянул к себе еще ближе.

Я целовала его губы с привкусом вишни, впитывая его потрясающий запах, прижимаясь еще крепче, еще сильнее. Марк скользнул ладонью по моим плечам, потом прикоснулся к груди – едва касаясь, но я почувствовала, как от этого соски, спрятанные за шелковой тканью, тут же затвердели. По всему телу прошла горячая волна жара.

Мужчина отстранился и с нажимом провел ладонями вниз, нежно лаская податливый шелк на животе и бедрах. Удовлетворенно застонав, я непроизвольно расставила ноги шире. Посмотрела Марку в глаза. Его черные стеклышки были сильно затуманены – наверное, так же, как и мои.

Робко, трясущимися руками, я провела ногтями по груди молодого человека. Черная футболка мужчины зашлась мелкими волнами, и я восторженно следила за тем, как напрягаются его грудные мышцы.

Марк замер.

Неуверенно, не совсем понимая, что делаю, я опустила руку ниже, чувствуя, как твердеют кубики пресса под его футболкой, потом еще ниже, пока не встретила препятствие в виде кожаного ремня с большой металлической пряжкой. Я осторожно провела рукой вниз, касаясь набухшей ткани брюк. Дыхание сбилось, когда я услышала рваный выдох. Подняв глаза, я встретила с удивленным взглядом мужчины. Похоже, он не ожидал от меня такого рвения. Я убрала руку и потупила взгляд.

Отрывисто закусила губу, пока затуманенные похотью руки начали медленно стягивать с мужчины черную футболку.

Внезапно Марк остановил меня, с силой сжав мне запястья. Сглотнув, я подняла глаза вверх. Мужчина глубоко вдохнул, медленно выдохнул. Затем дрожащей рукой провел по волосам.

– Давай не будем торопиться, – произнес он хрипло.

Я со свистом вырвала досадный выдох из легких.

– Это наше первое настоящее свидание, давай немного... *подождем*, – сказал Марк, и я, заливаясь краской, кивнула.

– Идем, – мужчина приобнял меня за талию, прерывая зрительный контакт и тем самым приглушая возникшую между нами неловкость. – Покажешь мне свою комнату.

Я прижалась к его плечу. От него пахло чем-то пряным, что-то похожее на корицу или мускатный орех. Я улыбнулась.

Приятный медовый свет отражался в светлых обоях, вместо картин стены украшали длинные тени, рисунки сестры и наши с ней фотографии, висевшие над изголовьями кроватей. В углу, словно редкий экспонат, выставленный на ярмарке, красовалось железное ведро.

Марк заметил его, но промолчал. Вспыхнув, я на мгновение почувствовала такую сильную ненависть к матери, что в глазах все помутнело. Мужчина откашлялся.

– Очень мило, – выдавил он, как мне показалось, пряча улыбку.

Надеюсь, он имел в виду девчачье убранство нашей с Мией комнаты, а не переносной туалет для провинившихся девочек.

Вскоре мы вместе лежали на кровати, едва соприкасаясь плечами и слушая в общем-то тихое, но в ту ночь отчего-то громкое тиканье часов.

– Как ты вообще решился на такое безумие? – спросила я, нарушая тишину.

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.